

СМЕРТЬ КОЩЕЯ

полусказка

Глава 1.

За окном пропел петух.

Вы когда-нибудь слышали, как поет царский петух? Царский — это не порода, не в ней тут дело. Обычный деревенский Петька, вскочив на забор, отряхнется от мусора, прилипшего за ночь, расправит крылья и надсадно завопит силным голосом. Голос этот он давно сорвал в баталиях за хронологическую точность и право шествовать впереди своих многочисленных куриных жен. От этого грубого звука в избе зашевелится мужик: «Ишь, разорался, старое мясо, и без тебя башка трещит!», и, кряхтя, начнет слезать с печи. Такой вот будильник. У царского петуха задача совсем не такая простая, как у обыкновенного Петьки. Он — царский петух — должен кроме точности (нужно, чтобы он кукарекал не слишком рано, но и не опаздывал) обладать таким голосом, чтобы и царю-батюшке, и царевичам, и всей дворовой челяди утренний подъем был не в тягость, даже если накануне вечером все засиделись за чаркой доброго вина.

Вот такой петух меня и разбудил.

Встал я легко. Я всегда легко встаю потому, что не имею обычая засиживаться вечером: у меня режим. Да и с вином хоть с добрым, хоть с каким другим, не особо дружен. Петьке спасибо, конечно, за службу, пусть так и продолжает оставаться в неведении, что поднимаюсь я с рассветом и без его помощи. А уж сегодня не проспал бы ни за что!

В легкой льняной рубашке и штанах я вышел из своей опочивальни, тихонько притворив за собой дверь. Коридорами палат, через людские помещения, через черный ход и хозяйственные дворы, я направился к озерцу, питавшемуся водой из ключей удивительной чистоты, где обычно пробежкой и умыванием начинается мое утро. Сегодня все это будет коротким и неустойчивым. Нужно лишь взбодриться, а силы побережь для главного события. Сегодня вечером у меня бой. Сегодня против меня выйдет лучший кулачник столицы Авдей, сын мельника Еремея, сильный и амбициозный боец, о котором уже давно говорят, что мол, вот, наконец, появился тот, кому под силу сбросить Ивана-царевича с его чемпионского пьедестала. И, скажу вам откровенно, молва эта небезосновательна. Хорош в кулачном бою Авдей. Я следил за его восхождением и видел схватки, в которых он одерживал весьма убедительные победы. А последний бой, в котором он победил монаха Харлама, прославленного кулачника и моего самого

серьезного оппонента, бой, который вывел Авдея в претенденты, и вовсе достоин восхищения. Мало кто выстоит против Харлама с его левым боковым. Авдей выстоял. И не просто выстоял, а отправил Харлама в нокаут правым встречным. Так что дело мне предстоит нелегкое и опасное.

Вы спросите: Иван, разве пристало сыну царскому с простоллюдинами на кулачки махать? Вопрос резонный и ответу я на него серьезно: а что еще мне делать?

Давайте посмотрим на ситуацию вот с какой стороны.

Нас у отца трое. Старший — Борис-царевич — первенец, наследник престола, папенькин любимчик и умница. Начитан, сведущ в науках и имеет незаурядный управленческий талант. Папенька с детства его готовил к передаче державы, так что сейчас, когда братец возмужал, их с отцом даже различать стало трудно, настолько их величественная походка, благородные манеры и царственные жесты стали похожи. Все говорят: «копия отец». Внешность братец унаследовал вместе с правом на престол, ему и править после батюшки. Не думайте, я не завидую. Напротив, отдавая должное способностям брата, прекрасно понимаю, что он и есть наилучший кандидат на престол нашего царства. Только когда это еще будет? Батюшка-то жив, здоров и полон сил, как говорится, на радость народу, захватчикам заморским на устрашение, и, кажется, на покой не спешит, не торопится передавать наследнику престол и власть. Ну и что, что он с мальства натаскивал Борису, какой рукой скипетр, а какой державу хватать? Вон, прадед наш, до девяноста лет властвовал, его сыновья поседеть успели и внуков понянчить, прежде чем сесть на трон. Борис это прекрасно понимает, но события не торопит. Правильный он. Даже, наверное, слишком. Местами до занудства. Но хитер (а как при власти да в политике без хитрости?) и выход для себя нашел, как при царствующем отце подержаться за власть. Сначала понемногу, а затем все больше и больше стал помогать батюшке в делах, а нынче и вовсе стал незаменим. При Борискиных талантах это немудрено. И называется сейчас это не хитростью, а дипломатией. Теперь царь-батюшка не только по каждому государственному вопросу с ним советуется, но многие из них вовсе на него переложил. И царю облегчение выходит, и Борису удовольствие. Так что когда придет время подхватывать бразды правления державой, они и так уже будут в надежных руках старшего братца. И будет брат править ничуть не хуже батюшки, а даст Бог, может и лучше, и так же славно. А главное, так же долго. Здоровье-то у него тоже батюшкиному под стать. Это вообще наша фамильная черта — крепкое здоровье.

А вслед за ним престол перейдет к среднему сыну — Аркадию-царевичу. Он, конечно, в сравнении со старшим братом звезд с неба не хватает и выглядит не так ярко, я бы даже сказал, блекло выглядит, но это только в отношении способностей к политике. А

насчет амбиций, стремления показать себя и умения жить по-царски, равных ему нет. Не зря же он казначейством занят. Уже сейчас молва твердит, что его дворец не хуже царского, а вкус в одежде даже лучше, пиры он устраивает пышнее, слуги у него лучше вышколены, а про конюшни, псарни и прочее даже говорить не буду. Цепко ухватится братец за власть, как уже ухватился за казну. Но и ему тут нужно отдать должное. При казначействе Аркадия не было такого случая, чтобы в государстве не хватило на что-либо денег, или чтобы кто-нибудь проворовался. Более того, наше царство стало зажиточным, и даже разбогатело. Умеет средний братец мыслить по-государственному, так что нет повода опасаться за его правление. Не только не промотает наследство, но еще и преумножит его во славу Отечеству и себе, конечно. А про здоровье, кажется, я уже говорил.

Вот и выходит, что мне, младшему, Ивану-царевичу, вряд ли светит почувствовать на голове тяжесть короны, а на плечах — бремя власти. Слава правителя осенит меня своими крылами еще, ох, как нескоро. Если вообще осенит. А ведь хочется, чтоб осенила! Нет, ну, правда. Я ведь тоже царевич, тоже сын царский. Как бы там ни было, плести интриги и устраивать заговоры, чтобы заполучить себе эту славу, я не собираюсь, ибо хоть я и младший из всех, и во всех этих политиках, дипломатиях и финансах разбираюсь слабо, но одно знаю наверняка: мы — семья, и ничего плохого я своим родственникам не желаю, равно, как и нашему государству. Поэтому я и избрал себе путь иной славы, путь славы спортивной. Силой, ростом и лицом я не обделен, так почему бы и нет? И опять же, здоровье.

Обежав вокруг озера, я сбросил с себя пропотевшую рубашку и с удовольствием ополоснулся по пояс среди желтых кувшинок. Солнце уже взошло, птицы пели, вокруг гремели крыльями черно-зеленые стрекозы, а вдалеке слышался неясный гомон пробуждавшейся столицы. Назад я шел уже не спеша, наслаждаясь ощущением молодой силы, разбегающейся по телу, глубоко вдыхая ароматы трав, полевых цветов и свежей выпечки из царской пекарни.

Навстречу мне шел молодой парень, в простой беленой рубахе, подпоясанной красным кушаком. Он улыбнулся и протянул мне руку для приветствия:

— Здорово, Иван!

— Здорово, Никифор!

Рукопожатие у него крепкое и сухое. Никифор — государев водонос. Должность эта непыльная, скажу я вам, хотя и не особо доходная. Ежедневно утром мы с ним встречаемся каждый за своим делом: он идет за ключевой водой для питья, а я иду на пробежку. Хороший парень. Мой фанат, кстати.

— Готовишься к бою?

— Ага, готовлюсь.

— Я тебе свежей водицы прямо к бою принесу, наберу и сразу принесу, чтоб не стояла день. Так она вкуснее и освежает лучше.

— Спасибо, Никифор. Здорово иметь в своем углу такого парня, как ты. И возьми сегодня побольше сухих полотенец.

— Сделаю. Ну, до скорого.

— До скорого.

Недавно я пригласил Никифора быть у меня массажистом во время кулачных турниров. Мне его сам Егорыч порекомендовал, присмотришь мол, у парня руки золотые, будто сами чувствуют, что и где делать. Верно подметил, много раз я это на себе испытал.

Во время нашего разговора, я поглядывал Никифору за плечо. Там, по тропинке неторопливо и плавно приближалась к нам фигура в цветастом сарафане. Не узнать ее было невозможно. Марья несла на коромысле два ведра, направляясь за водой к тем же ключам, что и Никифор. Шла она так, будто текла по воздуху, а свободный сарафан, казалось, так и норовил прилипнуть к ее телу, используя как повод даже самый легкий ветерок. Это вторая причина моих утренних пробежек в это время и в этом месте.

Я шагнул ей навстречу:

— Здравствуй, Марья.

Девушка остановилась и, склонив голову, улыбнулась:

— Здравствуй, Иван-царевич. Молва идет, ты сегодня с Авдеем бьешься?

— Молва? Да об этом все знают. Зачем спрашиваешь?

— Да вот думаю, не боишься ли ты накануне боя встретить бабу с пустыми ведрами?

Говорят, примета плохая.

Как же мне нравится этот ее прищур, эти пляшущие искорки в глазах! То ли смеется, то ли серьезно говорит, поди разберись.

— А я, Марья, в приметы не верю. И потом, ну какая же ты баба? Ты красивая молодая девушка.

Марья прыснула, прикрывая лицо тяжелой русой косой. Разговаривая, она двигала плечами, будто бы стесняясь, и от этого сарафан натягивался на выпуклостях ее тела, навевая мысли о скоромном.

— Ох, и наострился же ты, Иван-царевич, языком плести, не хуже чем кулаками махать.

— Что думаю, то и говорю.

— Ой ли? Может, еще скажешь, что случайно тут пробежал?

— Нет, конечно, не случайно.

— Может, скажешь, пришел восходом полюбоваться?

— Тобой.

— А пристало ли царевичу на простых девок заглядываться?

— Может и не пристало, да хороша ты уж больно. Как не залюбоваться?

— Скажешь тоже. Тебе бы, Иван-царевич, на принцесс на всяких любоваться нужно.

— Может и нужно, да они по воду сюда не ходят.

— Стало быть, если б тут царевна шла, то на нее бы любовался, а не на девку простую?

— Хочешь сказать, что кроме принцесс на земле нет красавиц?

— Может и есть, да только царевичам-то они не ровня.

— По-твоему, любоваться только ровней можно?

— Любуйся кем хочешь, да только дорожку мне не загораживай. Видишь, по воду иду.

— Вижу. А на бой смотреть придешь? — спросил я, отступая в сторону потому, что Марья, развернув коромысло и целясь им мне в грудь, решительно двинулась вперед.

— А чего я там не видела? Как два здоровых мужика будут друг дружку под синюю гжель расписывать?

— Меня поддержать.

Марья насмешливо глянула на меня из-за плеча:

— Да больно нужна тебе моя поддержка-то. Сам говорил, что когда дерешься, то ничего вокруг не замечаешь, как глухарь на току.

— Зато я буду знать, что ты рядом находишься.

— Можно подумать, что это для тебя что-то значит. Вон, сколько раз и без меня побеждал. Ужель в этот раз не справишься?

— Может, и не справлюсь.

— Что ж ты тогда за боец такой, что без бабы справиться не можешь?

— Зачем ты все время себя бабой обзываешь?

Марья вдруг перестала улыбаться и, придвинувшись на шаг, настолько серьезно глянула мне прямо в лицо, что и с моих губ улыбка сползла сама собой.

— А хочешь, Иван-царевич, скажу, зачем я тебе понадобилась? Зачем зовешь на поединок твой смотреть?

— Скажи, если знаешь.

— Не поддержка моя тебе нужна. Ты меня зовешь, чтоб силу свою показать.

Думаешь, как увижу я удаль твою богатырскую, так сразу на шею тебе брошусь, что слава

твоя бойцовская меня твоей сделает. И запишешь ты меня тогда еще одной своей победой. А хочу ли я победой той быть, то кровь твою царскую не очень занимает. А ты меня спроси, буду ли я счастлива победой твоей стать?

Отвернулась и пошла прочь. Будто окатила из пустых ведер ледяной водой. Я стоял и смотрел ей вслед, а цветастый сарафан продолжал предательски вычерчивать контуры ее тела.

— И все же приходи, Марья! — Крикнул я вслед. — Обязательно приходи. Я ждать буду!

Ответом она меня не удостоила.

Глава 2.

Зрители уже давно собрались. Это было ясно по шуму, который доносился с ярмарочной площади сквозь окна с простыми стеклами в переплетах. Я сидел разогретый для боя, кутаясь в свой бухарский халат, приобретенный постельничим, ради совсем иных целей. Братьям, кстати, он приобрел такие же. Постельничий решил, что в этих роскошных красных халатах мы будем пить чай после бани, и братья, насколько я знаю, так и делают. Мне же эта бухарская красота для чаепития была без особой надобности. Всякие модные финтифлюшки это по Аркашиной части, поэтому я приспособил его для эффектного выхода на кулачные поединки. А что, очень даже здорово получилось! Халат отлично сохранял тепло, не давая мышцам остыть, а благодаря яркой расцветке мой выход было видно издалека, с самых задних рядов, и ни с кем другим спутать было невозможно. Никифор легкими движениями массировал мне плечи, а я, закрыв глаза, вполуха слушал Егорыча, моего наставника по кулачному бою, который давал мне последние указания.

— Твое оружие, Вань, это скорость и подвижность. Не заводись, не лезь в размен. Авдей будет тебя одним ударом целить, у него правая, что твой молот в кузне. А ты уходи за правую, влево смещайся. Он будет в удары вкладываться, а ты их не принимай, пусть он после каждого удара в пустоту проваливается.

Я машинально кивал после каждого предложения. Все это было известно, обговорено сто раз и закреплено на тренировках и в спаррингах.

— Авдею много места на замахах нужно. А ты, как увидишь, что он замах начал, сразу дистанцию режь, за правую его уйди, да к нему прилипни. Вяжи его, изматывай. А потом

оттолкнись от него и резко назад с ударом. Вот когда руки у него устанут, ослабеют, вот тогда придет твой шанс, понял?

— Понял, Егорыч.

— Повтори.

— Смещаться влево, при замахах клинчевать, выходить с ударом.

— Повторяешь хорошо, но одно пропустил.

— Что я пропустил?

— Не горячиться. Ты молодой, вспыльчивый. Авдей тебя в нос ткнет, а ты не стерпишь, заведешься, отыграться захочешь, полезешь на рожон, тут он тебя и срубит.

— Да знаю я.

— Вот, уже кипятишься. Давай-ка десять вдохов-выдохов.

Спорить было бесполезно. И даже вредно. Как ни стыдно в этом признаваться, но Егорыч порой знал меня лучше, чем я сам. Поэтому без возражений я сделал дыхательное упражнение и действительно, легкая дрожь, начинавшаяся у меня перед каждым боем, улеглась, оставив только ощущение налитых силой мускулов.

— Запомни, Иван, крепко запомни, — Егорыч сделал паузу, — не силой бьются, а сноровкой.

Я кивнул. В это время послышался нарастающий гул, перешедший в восторженный вой, по которому без труда можно было догадаться, что Авдей со своей командой начал движение сквозь толпу к центру площади. Через некоторое время крики толпы стали более ритмичными, в них уже можно было четко разобрать «Авдей! Авдей!». Болельщики скандировали имя своего фаворита. И снова восторженный вопль, означающий, что мой противник добрался до места.

— Кажись, Авдей уже на месте. Теперь наш черед.

И как бы подтверждая слова Егорыча, дверь открылась и звонкий голос прокричал:

— Иван-царевич! На выход!

— Ну, с Богом.

Егорыч перекрестился и пошел к двери. Я поднялся и двинулся за ним, накинув капюшон халата. Подхватив свои массажистские причиндалы, следом за мной последовал Никифор. Хоть я уже и не видел этого, но твердо был уверен, что это именно так.

Когда мы вышли на площадь, толпа взревела. Мы шли по узкому коридору, который образовала крепко переплетенными локтями стража, сдерживая напор неистовствовавших болельщиков. Шум был такой сильный, что почти физически ощущался давлением на барабанные перепонки. Эти несколько десятков шагов от раздевалки до места, где произойдет бой, играют очень важную роль. Молодые начинающие бойцы не в силах

сдерживать эмоций, пытаются поймать кураж, пожимают тянущиеся к ним руки, выкрикивают обидные слова в адрес противника и делают еще много разных глупостей. Все это они делают от того, что боятся. Одни боятся противника, другие боятся проиграть, третьи... чего только не боятся люди! Суть одна: они выходят на бой с непобедленным страхом. А это значит, что они уже проиграли. Проиграли там, у себя внутри, в голове, в душе. Прав Егорыч со своим многолетним опытом, когда говорит, что победа начинается на тренировке, потом идет с тобой на ринг и только потом поднимается на пьедестал.

Я шел с побежденным страхом. Мне нужна была эта победа и я шел за ней. Это сейчас я рассказываю вам про шум толпы, про оцепившую площадь стражу, про руки болельщиков, тянущиеся к своим кумирам. Описать это я могу потому, что многократно наблюдал со стороны за выходом бойцов. Но когда я сам иду по этому живому коридору, то уже почти ничего не вижу и не слышу, сосредоточившись, направляю мысли туда, где находятся слабые места противника, повторяю тактический план «смещаться влево, клинчевать при замахах, выходить с ударом», и уже наношу, правда пока только в своем воображении, тот самый решающий удар.

Нас развели по углам. Потом позвали в центр для приветствия. Приветствие это на самом деле является схваткой глазами, эдакий бой в миниатюре, проверка на устойчивость. Если в этот момент в глазах противника мелькнет неуверенность, то можно считать, что победу ты уже одержал, останется только приложить к этой победе кулаки. Я смотрел в глаза Авдею, почти снизу вверх потому, что он был выше меня вершка на два, и видел в этих глазах решимость, суровую и непреклонную решимость вырвать победу во что бы то ни стало. Он глядел на меня, пытаюсь подавить, прижать меня к утопанной земле площади, вкладывая в это взгляд всю свою силу и мощь, все свое стремление к славе, все свои амбиции и надежды. Этот взгляд сразу дал понять, что такого опасного противника у меня еще не было. Выдержать такой взгляд было сложно. Я выдержал.

Мы соприкоснулись костяшками кулаков и вернулись в свои углы. Оставалось несколько секунд до начала. Егорыч схватил меня за руки повыше локтей и, приблизив свое лицо к моему, закричал, перекрывая гул толпы:

— Он лучший кулачник столицы, а ты — лучший кулачник царства. Пойди и докажи ему это!

Не успел я кивнуть и сказать «угу», как прозвучал сигнал к началу боя. Я развернулся и поспешил в центр круга, навстречу Авдею.

Авдей сразу пошел в атаку. Это было первой неожиданностью, так как я все же предполагал, что некоторое время уйдет у нас на разведку. Двигался он легко, не смотря на свой вес, а весил он больше меня на целый пуд, это точно, а может и поболее. Вес,

конечно, был его преимуществом, но это преимущество было не таким уж значительным. Во-первых, я и сам не воробьиного весу, во-вторых, жирочка у Авдея, будем честными, было многовато. Мой же вес состоял практически из одних мышц. Сейчас, в начале боя, каждый дополнительный фунт был его плюсом, который он собирался использовать как можно скорее. Но чем дольше будет длиться бой, тем тяжелей ему будет носить эти лишние фунты и тогда они превратятся в его минус. Вывод простой: мне нужно сделать этот бой затяжным.

Согласно тренерской установке я начал двигаться влево, уходя за правую руку Авдея, одновременно выбрасывая свою левую, нацеленную ему в челюсть. Мне предстояло решить сложную задачу: заставить противника промахиваться, вкладываясь в удары. Самый лучший способ для этого заключался в том, чтобы вначале дать Авдею немного попадать по цели. Другими словами, дать ему немного меня побить. Дать почувствовать под кулаками плоть. Дать ему поверить, что он пристрелялся, нашел нужную дистанцию, а как только он в это поверит, заглотит мою наживку, то начнет бить со всей силы, вкладываясь в каждый удар. Вот тогда-то эти его удары и должны начать «проваливаться». После этого должна была сработать вторая моя установка — сбивать темп и изматывать, повиснув на руках противника.

Я принял защитную стойку и немного снизил темп движения. Здесь меня подстерегала вторая неожиданность. Когда первый удар Авдея обрушился на мой блок, мне показалось, что в меня со всего маха врезалась груженная телега. Пришлось немного отступить. Но тут в меня врезалась еще одна телега. А потом по мне поехал обоз. Авдей оказался невероятно силен. Толпа взревела, видя, как ее кумир поливает градом ударов отступающего противника.

Да, я отступал. Если бы я этого не делал, то Авдей просто смел бы меня, как селевой поток сметает на своем пути огромные деревья и даже крепкие строения. Но отступая бой не выиграть. Поэтому, когда прозвучал сигнал об окончании первой трехминутки, я очень обрадовался этому короткому перерыву на отдых.

Я сел на табурет в своем углу. Никифор тут же подал мне воды и я прополоскал рот. Сплюнул в сторону.

— Пока все отлично. — Егорыч стоял как обычно чуть сбоку от меня, не мешая Никифору обтирать меня полотенцем. В других условиях, он бы шептал мне это на ухо, но шум был такой, что он фактически кричал. — Ты все делаешь правильно, Ваня. Дай ему почуять мясо а потом выхвати у него кусок из-под носа. И тогда он твой.

Опытный кулачный боец, Егорыч сразу раскусил мою уловку. Вот он, что называется, соколиный глаз. Интересно, в Авдеевом углу тоже раскрыли мою хитрость?

Еле успев кивнуть, я услышал сигнал к началу второй трехминутки и, вскочив, стремительно направился к центру площадки. Оказаться в центре раньше противника тоже такой тактический прием для подавления боевого духа оппонента.

И снова Авдей пошел в атаку сразу, без подготовки. И снова все повторилось: столкновение с телегой, проехавшийся по мне обоз и сигнал, призывающий к перерыву. Только в этот раз сигналу я радовался больше.

Принявшие на себя множество ударов мышцы ныли, дышалось тяжело. Шум толпы, словно шум невидимого штормового моря, плотно облегал со всех сторон. Все более явственно в нем слышалось «Авдей! Авдей!».

— Ваня, не перестарайся. Ты не мальчик для битья. Огрызайся иногда, иначе он тебя раскусит и сменит тактику.

Я кивал на каждую реплику Егорыча. Соображать пока еще получалось нормально и я понимал, что он прав, и нужно немного изменить тактический рисунок. Не может быть лучший кулачник царства таким безответным. Слишком уж явно читался этот мой прием, а допустить, чтобы Авдей раскрыл мою игру, было нельзя.

Следующая трехминутка прошла примерно так же, как и предыдущая, с той только разницей, что мне удалось несколько раз приложиться Авдею в голову. Не очень сильно, но чувствительно. За это я был вознагражден таким ответным ливнем ударов, что пришлось отступать, теряя пространство, но все же главного, мне кажется, я достиг. Сквозь щели между своими руками, прикрывающими голову и корпус, мне были видны глаза Авдея, а в них то самое выражение ястреба, который уже увидел жертву и начал пикировать.

Короткий перерыв, чтобы восстановить дыхание, наставления Егорыча, Никифорова полотенце. Рев толпы «Авдей!». Не пойму, почему не слышно моих фанатов?

Снова в бой.

Сначала подставиться под атаку. Ага, атака уже не такая бурная. Это хорошо. Это значит, что Авдей повелся на мою уловку и начал выцеливать меня своей правой. Теперь нужно уловить момент замаха и сместиться за его руку. Вот он, замах! Ухожу влево, но недостаточно быстро. Правый кулак Авдея обрушивается на мою защиту. Это уже больше похоже не на груженую телегу, а на боевую булаву. Мне нужно двигаться быстрее, если я хочу победить. А я хочу, еще как хочу! Это то, чего я хочу больше всего на свете — слава первого, лучшего, слава победителя.

Правый кулак Авдея снова настигает мое левое плечо. Опять я опаздываю со смещением. Если так пойдет и дальше, то скоро моя левая рука беспомощно повиснет вдоль тела и тогда пиши пропало. Еще быстрее влево!

Какой рев стоит! Тысячи глоток надрываются, словно победа в поединке зависит от того, сорвут ли они сегодня голоса. Я практически не слышу в этих криках своего имени. Обидно.

Атака Авдея. На этот раз ему удастся лишь чиркнуть по моей защите, а мне уйти влево и ответить ему левой в корпус. Кого другого этот мой удар сложил бы пополам, но Авдей стоит, лишь слегка морщась. А мое левое плечо отзывается вспышкой боли. А вот, наконец, то, чего я так ждал. Кулак Авдея проваливается в пустоту, хотя мгновением раньше на этом месте был я, инерция влечет его тело дальше, мимо меня так, что Авдею приходится сделать шаг вперед, а передо мной открывается незащищенный бок и почти открытая голова с ухом. В это ухо я и бью. Мне кажется, я слышу, как хрустит хрящ.

Рев сотрясает арену. Вначале мне кажется, что это болельщики. Но оказывается, что это ревет Авдей. Так ревут разъяренные быки. Меня накрывает поток ударов такой плотности, что мне с трудом удается удержаться на ногах до спасительного сигнала. Егорыч кричит мне в ухо:

— Почему не вяжешь?! Вяжи его! Ушел влево, сблизился и связал! И выход с ударом!

Дышать тяжело. Никифор машет тряпкой у меня перед лицом, льет воду мне на темя. Но это все равно, что пытаться охладить раскаленную сковороду плевком. Но этого всего я не вижу, а лишь чувствую. Мои глаза закрыты. Я пытаюсь унять боль в левой руке.

Следующая трехминутка. Какая по счету? Авдей похож на мельницу при сильном ветре, так мелькают его руки. Наконец у меня начинает получаться задуманное. Смещение влево при замахе, сближение, клинч, выход с ударом. Большинство ударов противника проваливаются в пустоту, не находя меня. Мы оба тяжело дышим, но Авдей, кажется, тяжелее. Бой становится вязким. Я бью в корпус, чувствуя как под кулаком вздрагивает тело. Ярость противника ничуть не уменьшилась, а теперь, когда его промахи стали чаще, а наши тела то и дело начали плотно соприкасаться в клинче, кажется что она разгорелась с новой силой. И все ниже он опускает голову, когда я иду на сближение.

Перерыв.

— Держись, Ваня, он на грани! — Егорыч кричит это мне в лицо, вращая глазами. — Еще немного и он твой целиком!

Это понятно. Непонятно другое, почему я не слышу голоса моих фанов? Неужели всем, кто сегодня пришел на зрелище, так хочется, чтобы их кумир был сброшен со спортивного Олимпа? Я открываю глаза и пытаюсь найти в толпе полотнища с расцветкой моего бухарского халата. То ли я не могу сосредоточиться, то ли фаны Авдея оттеснили

моих в задние ряды, но я никого и ничего не вижу. Во мне начинает подниматься волна раздражения.

В бой вступаю уже немного озверелым. И тут же совершаю ошибку. Иду в клинч, не опустив головы, и получаю удар лбом прямо в бровь. Это Авдей чувствуя, что упускает инициативу и раздражаясь этим не меньше меня, нарушает правила. Но бой никто не останавливает. Никто не выносит ему предупреждение. Эй, вы что, ослепли?! Не хотите наказывать вашего любимчика? Тогда я его накажу!

Это следующая моя ошибка.

Я бросаюсь на противника, вкладываясь в беспорядочные удары, пытаюсь поразить его в голову. Меня спасает только то, что Авдей тоже взбешен и его действия так же сумбурны. Бой превращается в деревенскую драку. «Ты что творишь?!» слышу я из обоих углов. Как же надо кричать, чтобы пересилить крик толпы болельщиков? Это наши наставники обращаются к каждому из нас в отдельности, но мысли их сходятся в одном: драку надо прекратить.

Но мы продолжаем драться и после сигнала на перерыв. Нас разнимают, мы нехотя идем в свои углы.

— Ты что творишь, Иван-царевич?! — Лицо Егорыча перекошено. — Это тебе не деревенская свалка! Это баталия! Он же тебя побьет. Решил проиграть? Я тебе не дам проиграть. Возьми себя в руки и действуй как на тренировке!

Никифор молча прикладывает к моему лицу холодные металлические бруски там, где будут или уже есть синяки. Судя по количеству мест, синяков будет много. Благо, рассечений нет. Облизывая губы, ощущаю, что они уже превратились в олады.

— Уже вон, нахватался. Все лицо синее. Делай как учили: смещение, вязка, выход с ударом. Повтори!

— Смещение, вязка, выход с ударом.

Я не узнаю собственного голоса. Не могу сделать дыхательные упражнения, чтобы успокоиться.

— Сегодня победит тот, кто собой овладеет.

Это верно. Но как это сделать? Я закрываю глаза, и на мгновение передо мной вновь мелькает видение решающего удара, после которого Авдей отправляется лицом в пыль. Я пытаюсь прокрутить его еще раз, но у меня ничего не выходит.

В этот момент звучит сигнал к продолжению. Я встаю и иду в центр, на сближение. Мне навстречу идет Авдей. Видно, что ступает он тяжело. От прежней упругой походки не осталось и следа. Ясно, что ему не удалось восстановить дыхание, как и мне. Лицо его выглядит не лучше моего. Вот это я его отделал! Но глаза, как и прежде, полны

решимости. Единственное, что цепляет меня, это то, как он поднимает руки, принимая боевую стойку. Немного медленней, чем нужно бы. Как бы нехотя. Всего лишь на какой-то миг медленнее и всего лишь на капельку неохотнее...

Наша схватка продолжается, но мне уже удастся все, что я задумал. Я легко ухожу влево за его правую руку. Я вяжу его и, отступая, выбрасываю свой кулак, который каждый раз оказывается точен. Теперь уже не он выцеливает меня, а я его. Ястребиная охота превратилась в охоту на ястреба. Я почти ничего не слышу, но отчетливо слышу боль, с которой ему дается каждый вдох. Я почти ничего не вижу из-за пота, заливающего глаза, но ни на мгновение не теряю из прицела его лицо. Все ощущения притупились, движения стали казаться медленными, а секунды растянувшимися, словно смола, словно бой этот происходит не наяву, а во сне. И этот сон каким-то чудесным образом вдруг совпадает с моим видением, где я вижу маленькую брешь в защите Авдея, открывающую его челюсть и подбородок, появившуюся на короткий миг, и грозящую вот-вот закрыться, и в эту брешь я направляю свой кулак.

Вот, собственно, и все.

Когда тело Авдея грянулось наземь, толпа как по команде смолкла. Так и лежал он в тишине вниз лицом, а я стоял над ним разгоряченный, еще не в состоянии осознать, что произошло. А что, собственно, произошло? Я победил. Это моя победа. Я остался лучшим кулачником царства, и эта мысль вызвала улыбку на моем лице. И вслед за этой улыбкой грохнуло громовое «Иван! Иван!», и все пришло в движение. Кажется, меня потом долго качали, потом обнимали, потом жали руку, потом Егорыч говорил что-то одобрительное, хлопая меня по плечу, потом еще качали и еще обнимали. Потом вручили тяжеленный золотой кубок и что-то вешали на шею. Но все это было как в тумане потому, что это было не главное. Главным была моя победа. Сладкий миг торжества и славы, ради которого я и совершил все это. Мой миг.

Глава 3.

Синяки на моем лице уже почти прошли. Правда, еще немного побаливало левое плечо, но это было уже не столь существенно. Зато теперь на многих стенах и заборах появились надписи «Иван-царевич — чемпион», причем встретить эти размашистые граффити можно было не только в многочисленных слободках, поглощаемых разрастающейся престольной, но и в довольно зажиточных районах купеческих теремов.

А недавно я видел такую надпись на боярском заборе. Я сделался героем, меня узнавали на улицах, и при каждом выходе в город меня сопровождала компания мальчишек. Они висли на мне гроздьями, постоянно требуя показать бицепс и еще раз рассказать про бой. Взрослые мужики теперь не просто кланялись при встрече, а смотрели с нескрываемым уважением, а кое-кто и с завистью. Молодые купчихи стреляли глазками и перешептывались. Сами же купцы и прочие, кто позажиточней и познатней, зазывали в трактиры на угощение. Приходилось отказывать, ведь у меня режим. Кто-то дарил подарки, кто-то наоборот, просил подарить что-нибудь на память. Все старались обнять или хотя бы пожать руку. А еще говорили, что наши столичные певцы-баяны уже сочинили в мою честь какую-то песнь, в которой высоким слогом описывался поединок с Авдеем, уже получивший статус эпохального. Это, конечно, было лестно, потому как ничего подобного о моих братьях никто еще не написал, а у меня уже появился шанс оставить свой след в народной памяти. Но сам я этой песни не слышал и ничего о ней сказать не могу. У меня вообще с искусством отношения довольно натянутые.

Была в этом и ложка дегтя. Егорыч, как всегда, был прям и безжалостен:

— Ты, Иван-царевич, больно высоко нос-то не задирай. Мирская слава она скоротечна, а толпа переменчива. Сегодня на руках носят, а завтра в нужник головой окунут.

— Прописные истины, Егорыч.

— Прописные они или нет, да только на юную твою голову такая слава вдруг свалилась, что приходится тебе их повторять. Мускулы у тебя крепкие, а вот дух твой за ними в крепости не поспекает. Дисциплина хромает.

— Я над этим работаю.

— Хорошо, что работаешь. Я вот что у тебя спросить хотел. Жизнь — она как волны морские: то гребень, то яма. Нынче ты почетом и славой окружен со всех сторон, но пройдет время и слава эта поблекнет. Случись другое какое важное событие и народ уже о нем будет песни слагать, про тебя позабудет. Что делать-то тогда будешь?

— Егорыч, ты же сам говоришь, чтоб я не бежал впереди телеги.

— Говорю потому, что люб ты мне. На тебя смотрю, себя в молодости вижу. И не хочу, чтоб звезда твоя закатилась раньше, чем взошла. Знаешь, сколько молодых бойцов, почуяв первое поветрие славы, решили на лаврах почить, да на том и закончились?

— Знаю, ты же сам и рассказывал.

— А знаешь, что каждому, кто хоть малого успеха добился, люди завидовать будут? Всегда будут те, кто судьбой своей недоволен, кто меньшего достиг, а хочет большего, и считает, что судьба несправедливо с ними обошлась. А большего достичь они не в силах,

потому что если бы могли, то достигли бы. Вот и стараются тех, кому завидуют, грязью мазнуть, чтоб на их фоне выглядеть значительней.

— Ну и пусть, мне-то какое дело?

— А такое, что не все твоим победам радуются, Иван-царевич. Те, что попроще родом, гордятся тобой, говорят новый богатырь в царстве нашем растет. А те, кто сословием повыше да родом подревней, уже не так к тебе благоволят. Знаешь, какое прозвище ты у них носишь?

— Какое?

— Иванушка-дурачок. Не могут они понять твою тягу к кулачному бою, славу твою принять не могут. Борис-царевич, говорят, умом в батюшку пошел, Аркадий еще туда-сюда, а Иванушке мужицкие кулаки совсем разум отшибли. Так-то.

— А ты откуда знаешь? Ты же вроде с ними за столом не бываешь.

— Верно говоришь, простой я человек, и ходу за столы боярские не имею. Да ведь не сами же бояре себе эти столы накрывают. У каждого боярина погляди, сколько челяди, а я со многими из их людей дружбу вожу. Бояре сойдутся вместе, выпьют, захмелеют, и давай кости друг другу перемывать, а дворня слушает, уши наострив, треп боярский. Ты когда-нибудь видел, чтоб вся челядь своим боярином довольна была? Вот и чешут языками про своих господ-то, а я слушаю, да на ус мотаю.

— Не пойму к чему ты клонишь, Егорыч? Думаешь, если я кулачный бой брошу и на престол сяду, меня перестанут дурачком величать? Ты же сам говоришь, что всегда недовольные будут.

— Нет, Иван-царевич, не понял ты меня. Не отговариваю я тебя от боя кулачного. Талант у тебя к этому делу и не мне на пути его становиться. Я о том речь веду, что ты можешь великим бойцом стать, можно сказать былинным, легендарным. А для этого одного таланта мало, надобно еще много труда приложить, и труда тут даже побольше надобно, чем таланта. Задачу же свою я вижу в том, чтобы помочь тебе уберечься на пути этом от соблазнов. А наипервейший соблазн заключается в том, чтобы славу больше труда любить. Сейчас победа твоя на слуху у всех, но так не всегда будет. Вон, батюшка твой, царь вдовый, снова жениться надумал. Уже и невесту присмотрел, и даже дату свадьбы назначил. Неужели ты думаешь, что для царства нашего победа твоя кулачная важнее будет? Неужели о женитьбе царской будут меньше говорить, чем о том, как ты Авдея наземь положил?

Я опешил. Новость о батюшкиной женитьбе была для меня полной неожиданностью. Конечно, разговоры о том, что негоже царю вечно во вдовцах ходить велись настолько давно, что я даже затрудняюсь сказать, когда они начались. Матушку свою я почти не

помнил, кроме нескольких смутных младенческих воспоминаний, но обрывки фраз о том, что батюшке нужно снова жениться, прочно сидели даже среди картин самого раннего моего детства. Но я привык к тому, что всегда это были только разговоры. Новость же о том, что уже и дата свадьбы известна, прозвучала для меня как гром среди ясного неба. Видимо, с режимом и тренировками я все же переусердствовал.

Я быстро попрощался с Егорычем и поспешил во дворец. Нужно было узнать подробности из первых рук.

Дворец встречал меня эклектикой, в которой дерево постепенно уступало камню. Новые технологии вызывающе теснили традиции, последние отчаянно сопротивлялись, но чего-то действенного противопоставить не могли. Масштабная реконструкция, начатая после вступления царя-батюшки на престол, и призванная подчеркнуть те решительные реформы, которые намеревался произвести молодой монарх, на какое-то время заглохла из-за нехватки в казне средств. Долгое время она напоминала о себе лишь горами привезенного для строительства белого камня, да замечательным парадным крыльцом, сложенным из этого самого камня, с отходящими от него в обе стороны крытыми галереями, выглядящими, впрочем, весьма достойно. Когда же казной начал управлять Аркадий-царевич, строительство возобновилось с новым энтузиазмом, и на сегодняшний день его интенсивности можно было только позавидовать. В дворцовом комплексе уже почти не осталось деревянных построек. Даже двор был вымощен гранитной брусчаткой. Все это выглядело великолепно и гармонично, хотя сказочным я бы это не назвал. Справедливости ради отмечу, что собственные палаты братец возводил не менее споро, а по слухам, в темпах даже обгонял родительское гнездо (о дворце Бориса-царевича я вообще молчу). Однако, справедливо полагая, что ему лишние конфликты с отцом и старшим братом ни к чему, слегка притормозил стройку. И хотя снаружи палаты Аркадия-царевича выглядели не такими законченными, отделочные работы внутри них были уже закончены. Я-то уж знаю.

Я рассчитывал, что мне удастся беспрепятственно попасть к батюшке, однако моим надеждам сбыться было не суждено. На крыльце я столкнулся с братом Аркадием, который в сопровождении пышной и многочисленной свиты, вступал во дворец.

— Иванушка! Здравствуй, любезный мой братец! — По обычаю мы троекратно облобызались, и, приобняв меня за плечи, Аркадий по многочисленным ступеням, стал увлекать меня вверх, ко входу в палаты. Не скажу, что такое фамильярное обращение доставляло удовольствие, но деваться было некуда, приходилось терпеть. Все-таки он мой брат. — Поздравляю тебя с победой! Ты уж прости, что раньше не смог тебе лично

засвидетельствовать, сам понимаешь, дел невпроворот на службе государевой. Деньги — они счет любят, но поверь, что за успехами твоими я неусыпно слежу и радуюсь каждому.

— Верю.

— Тут вот какой момент важен: нужно, чтобы успехи твои не в ущерб кошельку были. Ты же тратишься на подготовку, на помощников, на инвентарь, форму. Здоровье, в конце концов. Это же все ты из своего содержания делаешь, так?

— Из своего.

— А содержание царевичей из казны ведется. Награда за победу какая? Знаю, ты кубок золотой получил. А знаешь ли ты, что кубок этот также государственной казной предоставлен был?

— Я этим как-то не интересовался.

— А поинтересоваться следовало бы. Ты же царевич все-таки, а не какой-то там мельников сын. Тут государственный подход нужен. Получается, что и твое содержание, из которого ты на подготовку тратишься, и награда, которую за победу получаешь, все из казны оплачивается. Казна двойной расход несет, а прибыли никакой ни тебе, ни ей.

— Я не ради денег бьюсь.

— Понимаю, слава дороже. Да только разве одно другому мешать должно? Разве нельзя сделать так, чтоб и славу ты мог добывать, и выгоду с этого иметь? Ну, или хотя бы расходы покрывать. Забава эта народная, так пусть народ за нее и платит. Сколько зрителей на твоём поединке присутствовало?

— Не знаю. Много.

— Предположим, тысяч десять. А что, если каждый из них заплатит за просмотр хотя бы десять копеек? Это тысяча рублей получается. Вот тебе уже и расходы покрыты. А если сделать так, чтобы те, кто ближе стоит, платили больше за то, что им лучше видно? Скажем, пусть места в первом ряду стоят рубль, следующие десять рядов по полтине, середина по двадцать копеек, ну и галерка, как и прежде, по гривеннику. Это сколько же в сумме получится?

— Считать надо.

— То-то и оно, что считать. То считать надо, да се, да третье, да десятое. Вот и выходит, что жизнь наша из сплошных подсчетов состоит. Каждый свою выгоду блюдет, свой интерес во всяком деле ищет. А мне, кроме своего интереса, еще надо и государственный интерес блюсти, потому, как казна не только расходоваться должна, но и пополняться. А расходы нам предстоят нешуточные.

— Ты свадьбу батюшкину имеешь в виду?

— А что же еще? Батюшка возгорелся провести ее со сказочным размахом. Только подарков невесте закуплено на... в общем, изрядная сумма выходит. А еще родственники. И еще все правители сопредельных государств вместе со знатью. Кстати, о знати. На твоём поединке бояре были?

— Не обратил внимания, может и были.

— А что если с бояр за просмотр кулачного боя не по рублю брать, а, скажем по пять? И разрешить им ставки делать на результат. А с выигрыша брать налог.

Поглощенный новой идеей, Аркадий по привычке стал прикусывать соболий воротник роскошного плаща. Я понял, что большего от него добиться будет невозможно потому, что сейчас перед его мысленным взором проносились столбики цифр и раскрывались перспективы доходов от кулачных боев. Да и назидания его мне уже порядком надоели. Оставив брата грезить о невиданных поступлениях в казну, я направился в тронный зал, оказавшийся пустым. Оглядевшись, заметил приоткрытую дверь в думную палату. Вошел.

За огромным дубовым столом, обложившись бумагой и перьями, сидел Борис-царевич, сосредоточенно глядя на исчерканный листок с какой-то схемой.

— Здравствуй, Борис. — Я присел на скамью напротив брата.

— Здравствуй, Ваня.

Борис хоть и смотрел на меня, но было ясно, что мысли его где-то далеко в дебрях дипломатических джунглей, и что для разговора со мной он хоть и вышел на полянку, но покидать эти заросли все же не собирался. Я решил идти напрямую.

— Где батюшка?

— Батюшка? А зачем тебе батюшка понадобился? Если просьба какая, ты для начала мне ее изложи, может царя-батюшку и тревожить понапрасну не стоит, может, эту просьбу твою мы и сами решить сможем, не доводя, так сказать, до высших инстанций.

— Хочу с ним о свадьбе поговорить.

— Ты жениться надумал? Дело, Вань, это конечно хорошее, можно сказать, нужное и даже необходимое. Молодец, что надумал, поддерживаю тебя всячески и радуюсь с тобой. Только вот какой нюанс возникает. Старший твой брат — я, то есть — семьей еще не обзавелся, средний тоже пока холост, а ты в семье младший, и уже жениться хочешь. Я не против, конечно, женись себе на здоровье, да только сначала подумай, как это будет выглядеть со стороны, так сказать, общественного мнения. Не получится ли так, что это твое решение приведет к разного рода превратным толкованиям, вроде того, что младший царевич Иван потерял уважение не только к старшим братьям-царевичам, но и к батюшке своему царю, а царь наш, государь-самодержец, обуздать его не в силах, контроль над

своими детьми потерял. Сам знать должен, от потери контроля в семье недалеко и до потери власти над державой. В головы боярские да дворянские легко может войти мысль, что хватка у государя нашего ослабела, значит и власть его тоже. А там, где воля слабеет, там вольница крепчает. Тут и до смуты рукой подать. А отсутствие контроля изнутри есть ослабление позиций и на внешнеполитической арене. А это, в свою очередь, грозит нам интервенцией и войной, тут только дай повод. Один опрометчивый поступок в личной жизни может иметь далеко идущие политические последствия. Женитьба — это хорошо, но нам с тобой, Вань, в первую очередь о державе думать нужно. Потому не только как брат, но и как царевич, как наследник престола и будущий царь, прошу тебя: не торопись, подожди немного.

— Я не о своей свадьбе хочу с батюшкой поговорить, а о его.

— Это, братец, дело политическое. Тут не любительский взгляд нужен, а профессиональный потому, что событие такого масштаба не может быть делом исключительно внутренним. Вот, к примеру, список гостей. — Борис ткнул пальцем в исчерпанный листок. — Пригласить их на торжество — это только верхушка дерева. Их нужно еще и разместить, с учетом индивидуальных особенностей и политической ситуации. К примеру, у одной королевы, имени которой я называть не буду, ибо оно и так общеизвестно, есть кошка, которую она с рук не спускает и повсюду носит с собой. А недавно одному не менее известному эмиру поднесли в дар комнатную собачонку, и теперь этот властелин, известный своим крутым нравом, от своей животины пребывает в нескончаемом восторге, и куда бы ни направлялся, тоже всегда берет ее с собой. Это, безусловно, лишь прихоти царствующих особ, но нам ведь от этого не легче. Оба они — и королева, и эмир — на батюшкину свадьбу приглашены, и так их разместить надобно, чтобы их звери ненароком не встретились, потому что результаты такой встречи предсказать попросту невозможно. Из животного конфликта может запросто международный конфликт возникнуть. Все это нужно предусмотреть, составив план размещения гостей, который не только бы соответствовал официальному рангу каждого приглашенного, учитывая его политический вес, но и помог бы избежать конфузов, а тем более скандалов, соблюдая наши государственные интересы, и, по возможности, укрепив наше влияние.

— Так где батюшка?

— А зачем тебе батюшка?

Чувствуя, как во мне начинает закипать гнев, я по мудрому совету брата решил как можно скорее избежать внутрисемейного конфликта, который в перспективе мог привести, по его словам, к конфликту международному. Ну, или к чему там еще.

— Борис, просто скажи, где я могу найти отца.

— Ты меня в неловкое положение ставишь, Ваня. Подготовка к предстоящей свадьбе весьма многохлопотное дело, поэтому я в порядке личной инициативы предложил батюшке часть забот об этом торжестве переложить на меня, чтобы он мог сосредоточиться на более важных и деликатных делах. А дел у царя в государстве мало не бывает. Поищи его в библиотеке.

Памятуя слова Егорыча о дисциплине, дверью хлопать я не стал, хотя искушение было сильным.

В библиотеке батюшки не оказалось, как не оказалось его и в обоих приемных, большой и малой, и в банкетном зале, и в оружейной палате, и в охотничьей комнате и много еще где. Я уже начал сомневаться в успехе своего предприятия и подумывать, не бросить ли мне это дело и просто дождаться официальной информации, когда внезапно увидел одного из младших постельничих, стремительно бегущего в направлении царских покоев с отрезом ткани под мышкой. Не без труда перехватив его за воротник, я узнал, что царь-батюшка изволит принимать в своей опочивальне портного, принесшего ему для примерки свадебный кафтан. Стоило мне разжать пальцы, как постельничий мгновенно исчез, и я уже не спеша направился в царские покои.

В опочивальне царил кавардак. Всюду, где только было возможно, были развешаны, сложены, брошены как попало отрезы дорогой материи, выкройки, какие-то заготовки, и даже почти готовые кафтаны всевозможных расцветок и фасонов. Мелькая как в калейдоскопе, между всем этим великолепием постоянно двигалось примерно с дюжину портных, которые что-то поправляли, перекладывали, расправляли и совершали множество иных, непонятных мне действий. Может портных было больше, а может и меньше, сосчитать их я так и не смог ввиду их совершенно беспорядочных, на мой взгляд, перемещений. Возле высокого, в пол, трельяжа я, наконец, заметил своего батюшку. Одет он был в расшитый золотом полукафтан с зарукавьями, украшенными жемчугом и камнями, на плечи был наброшен корзно с собольим мехом, на голове шапка с собольей же оторочкой. При этом на ногах у него были кальсоны, заправленные в новенькие сафьяновые сапоги, украшенные не хуже полукафтана. Он придиричиво осматривал свое отражение в зеркале, поворачиваясь то одним боком, то другим. Вокруг него, словно мухи вокруг подтаявшего сахара, вились несколько портных. Несмотря на общий хаос, было ясно, что именно здесь находится центр мистерии под названием «примерка царского свадебного платья».

Я кашлянул, привлекая внимание. Это мало помогло, поэтому не дождавшись отцовского позволения, я приблизился и по обычаю, опустившись на одно колено, поцеловал его руку:

— Царь-батюшка!

— Иванушка, сынок! Поднимайся скорее, не до церемоний сейчас. Видишь, какой ералаш развели с этим кафтаном. То, говорят, он меня старит, то слишком молодит, то по цвету к бороде не подходит, то к глазам. То, говорят, длинен, то короток. У меня уже глаза болят от этой пестроты, а они все никак не угомонятся, все никак фасон подобрать не могут.

— Батюшка...

— А вот этот вот, предводитель их, Ёсиф Семенович, больше всех старается, бестия. Говорят, лучшего портного в нашем царстве не сыскать. Может оно и так, да только я в их модах не разбираюсь. Но понимаю, женитьба — дело нешуточное, нельзя престиж государев под гору пускать, потому и терплю эту их канитель. Ёсиф Семенович, терплю али нет?

Ёсиф Семенович держал во рту несколько шпилек, поэтому лишь часто закивал в ответ, не прекращая манипуляций с кафтаном.

— Кивает, соглашается. А я вот возьму и перестану терпеть. А заодно прикажу всей вашей артели головы отрубить, чтоб не морочили своего царя. И тогда кивать будешь, Ёсиф Семенович?

Серия кивков повторилась. Я решил попытаться еще раз:

— Батюшка, разреши...

— Главное, скоро три недели как с этим кафтаном бьюсь. Свадьба на носу, понимаешь, а они толком мне платье сообразить не могут. Спорят друг с другом, а я со всеми ними сразу. Господь Бог вон, за шесть дней мир создал, а они за три недели костюм осилить не могут. Не можете, Ёсиф Семенович?

— Так вы посмотрите на этот мир, — продребезжал портной, не вынимая шпилек изо рта. — И посмотрите на этот прекрасный костюм.

— Я тебе поговорю, егоза! Надоел ты мне. Бракосочетание через неделю, сговор печатью моей царской скреплен. Невеста моя — Василиса Прекрасная — уже в пути, к столице приближается с обозом. Не сегодня, завтра тут будет. Потому слушай, Ёсиф Семенович, мою волю царскую: на завершение дел твоих швейных даю тебе и всем помощникам твоим сутки сроку. Коли по истечении суток я останусь без парадных портков, как есть, прикажу всех вас на голову укоротить. Укропное семя!

Не стану описывать всплеск активности, который вызвало батюшкино заявление, но по сравнению с ним, прежняя суета напоминала пузырек воздуха, поднимающийся в густом сиропе. Мои глаза настолько устали от этой карусели, что я почел за лучшее покинуть батюшкину опочивальню без формального разрешения удалиться. Уверен, мое отсутствие там никто даже не заметил. Только в затемненной прохладе коридоров дворца я смог, наконец, вздохнуть свободно. Эта недолгая экскурсия в царские палаты была настолько утомительной, что ее можно было смело ставить на один уровень с кулачным поединком средней интенсивности. В конце концов, нужную информацию я все-таки получил.

Покидая дворец, я внезапно обнаружил одну вещь, поднявшую мне настроение и сгладившую чувство неуместности, которое я неизменно испытывал, находясь среди родственников. Справа от входных дверей, не бросаясь, однако, в глаза, красовалась свеженацарапанная надпись «Иван-царевич — чемпион».

Глава 4.

Накрытые столы ломились от изысканных яств. В столовых приборах отражались многочисленные светильники, которые вместе с солнечными бликами играли на расписных стенах, создавая причудливый узор. Разноцветные ленты трепетали под потолком, а пышные букеты цветов наполняли воздух благоуханием. Разместившиеся на хорах певчие и музыканты изливали в зал потоки сладкозвучной музыки. По периметру зала навтыжку стояли рынды, держа на плечах топоры. Разодетые в пух и прах гости в нетерпении ожидали момента, чтобы наконец предаться безудержному веселью. Все дышало великолепием и праздником.

По правую руку от престолов брачующихся восседал Борис-царевич. Вся его фигура излучала гордость и достоинство, как и подобает наследнику престола. Иногда даже могло показаться, что это не он присутствует на свадьбе своего родителя, а сам родитель приглашен на его торжество, настолько важным взглядом обводил он собравшихся. Я легко мог себе представить мысли братца об историчности момента и его значении, в политическом смысле, естественно.

По левую руку, блистая щегольским нарядом, сидел Аркадий-царевич. Обилие камней и золотого шитья в его одежде делали ее тяжелой, как ратный доспех. Но было ясно, что ради того неизгладимого впечатления, которое он производил на присутствующих, братец готов был терпеть любое неудобство. Ловя на себе завистливые

взгляды, он, кажется, был вполне доволен. Думал ли он в этот момент о каких-либо финансовых выгодах от торжества, я сказать не берусь.

Сидя чуть левее брата Аркадия и разглядывая все это великолепие, я размышлял о том, зачем понадобилось нарушать традиционный порядок брачной церемонии и совмещать обряд венчания с праздничным пиром. Ничего определенного у меня из этого не выходило. Дедукция не самая сильная моя сторона. Поэтому я довольствовался объяснением, данным самому себе, что раз так делается, значит так задумано, значит есть цели, которых я не знаю и не понимаю, может экономические, а может даже и, чем черт не шутит, политические. А раз так, то мне оставалось только радоваться за батюшку, за то, что его вдовству пришел конец, и жизнь свою ему не придется доживать в одиночестве.

Гости непринужденно переговаривались и перешептывались. Содержание этих бесед я как раз был способен представить очень даже неплохо: сплетни, хвастовство, флирт. Не думаю, что есть на свете такие светские приемы, где бы собранные вместе компании подобного рода, говорили о чем-то ином. Не будучи мастаком в этих делах, я не умел поддержать или развить ни одну из трех тем. Более того, слыша сплетню, у меня возникало непреодолимое желание ее опровергнуть, хвастуну дать в морду, а кокетничающих пристыдить. Не самые подходящие качества для царевича. Но поделаться с собой я ничего не мог. Поэтому кулачный спорт был для меня отдушиной, в которой честности было несравненно больше. Никакой фальши, желание победить противника заявляется открыто, никто не лицемерит, что победа ему не нужна, а намерения у него самые добрые и бескорыстные, и драться он выходит лишь затем, чтобы поддержать оппонента. Даже во всех обманных финтах честности больше потому, что изначально все в курсе, что противник будет финтить, и ты будешь финтить, и делается это ради победы, а не ради того, чтобы выглядеть лучше в чьих-то глазах. Ты такой, какой есть. Не зря же кто-то сказал, что человека можно узнать только в бою. Я был рад тому, что нахожусь достаточно далеко от гостей, чтобы не слышать того, о чем они говорят.

В этот момент на хорах грянули торжественные аккорды. Это означало, что молодые начали подниматься по дворцовому крыльцу. Головы всех присутствующих разом обернулись к распахнувшимся створам дверей, шеи вытянулись. Как только брачующиеся переступили порог, певчие затянули величальную песнь.

Поступью достойной античных героев, облаченный в шикарный (снимаю шляпу перед портным) кафтан и, казалось, скинувший десяток-полтора лет, царь-батюшка вел свою суженую по живому коридору, образованному гостями и придворными. Ее рука покоилась на его руке, другая придерживала скрывавший лицо полупрозрачный покров. Невероятно изящное белое платье невесты издавало тихий шелест. Возле специально

украшенных к торжеству престолов пара остановилась и, повернувшись лицом к залу, поклонилась всем в пояс. Гости ответили кто поклонами, кто реверансами.

Медленно и осторожно, словно прикасаясь к неведомой святыне, царь-батюшка поднял невестин покров. Я стоял достаточно близко, чтобы разглядеть, как дрожала при этом его рука.

Возглас изумления прокатился по залу.

Я стоял и наблюдал, как вытягиваются лица, как расширяются глаза и открываются рты. И это было единственным движением в зале, потому что люди просто остолбенели. Затем какая-то дама выронила букет, недалеко от нее, упав на пол, зазвенел разбившийся монокль. Рынды безвольно опустили топоры. На хорах смолкла музыка. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь далеким шумом народного гулянья.

Наконец я перевел взгляд на невесту.

Не могу представить, что в этот момент происходило с моим лицом. Одно могу сказать точно, что как ни старался я контролировать его выражение, у меня ничего не получалось. Мышцы меня не слушались. Говорят, такое ощущение бывает у бойцов, отправленных в нокаут. Ничего не могу сказать, в нокауте я никогда не бывал. До этого мгновения, кажется. На свете много красивых женщин, много их и в нашем государстве, и в столице нашей их хватает. Даже в этом зале их было предостаточно. Но эта...

Я стоял и прямо-таки чувствовал, как сквозь меня проходит ее красота, как она заполняет не только мое тело, но и душу, и все-все естество, но не останавливается, а продолжает струиться дальше, стремясь в какое-то невообразимое далёко. Я стоял и ощущал такой восторг, такую радость, такое счастье, что в сравнении с ним мои победы выглядели не такими уж и блестящими. И наоборот, все эти банальности вроде «все сокровища мира» и «саму жизнь свою» вдруг приобрели вес и телесность, и уже не выглядели таким вздором, как раньше. Только сейчас до меня, наконец, дошел смысл, который народ вложил в это слово — Прекрасная.

Но ничто не вечно в этом мире. Народ в зале начал потихоньку оживать. Первыми вернули на плечи свои топоры рынды. Колыхнулось платье, качнулся парик. И вот уже все пришли в движение, а мне так хотелось, чтобы это мгновение никогда не кончалось. Послышались возгласы восторга и неожиданно для всех какой-то пожилой то ли герцог, то ли принц, весь увешанный орденами, закричал «Ура!». Этот крик был подхвачен и трижды прокатился по залу, заставив дребезжать хрусталь и дрожать пламя светильников.

Снова грянула музыка, со всех сторон посыпались тосты, брачующихся усадили за стол, а я стоял и не замечал ничего вокруг, чувствуя, как в сердце зарождается какое-то

новое, не испытанное мною до сих пор, чувство. Вернее, целая гамма чувств. Эдакий клубок, который то сплетался, то разбивался, словно стеклянный шар от удара о стену.

Мне и раньше приходилось испытывать чувство одиночества. Это бывало, когда я вспоминал маму во время моих детских обид, представляя как она, склонившись, жалеет меня. Или потом, уже в более зрелом возрасте, сталкиваясь с глухим непониманием родни, не желавшей принимать мое увлечение кулачным боем. Но это все были точечные уколы. Я легко справлялся с ними при помощи спортивных тренировок. Но одиночество, которое я испытывал сейчас, невозможно было развеять никакими тренировками потому, что происходило оно из совсем другого источника. Это было одиночество мужчины, и справиться с ним могла только эта женщина, при условии, что она была бы рядом со мной навсегда. Я знал это наверняка, и это знание рождало во мне сумасшедшую, безрассудную надежду. И тут же эту надежду превращало в прах осознание того, что она — Василиса — не моя суженая, при том не просто не моя, а суженая моего отца-батюшки. Я присутствовал на их свадьбе и каждая секунда, приближавшая миг их венчания, отдавалась в моем сердце траурным колоколом. Я страстно желал и не мог осуществить желаемое. И жгучий стыд за желание оказаться на месте ее жениха, жалил меня, как ехидна. Мне хотелось выскочить вперед и стать рядом с ней у алтаря, и одновременно бежать прочь, куда глаза глядят. А глаза-то мои глядели на нее, на Василису.

И тут наши взгляды встретились.

Нет, я не утверждаю, что она посмотрела на меня специально. И уж тем более, что этот взгляд предназначался именно мне. Что именно меня она искала в этой сверкающей пестрой толпе. Просто впервые с момента своего появления во дворце, она подняла глаза и оглядела собрание. Этот самый взгляд и задержался на мне на почти неуловимое мгновение дольше, чем на остальных. И я понял, что она поняла. Все то, что сейчас хлопотало во мне, перестало быть для нее тайной. Она прочла меня, как раскрытую книгу. И еще она поняла, что я тоже понял, что теперь ей все обо мне известно. Клянусь всеми своими победами, всей спортивной карьерой и славой, если бы в эту крохотную долю секунды в ее взгляде промелькнула хотя бы тень, хоть намек на тень призыва о помощи, я бросился бы ее спасать не раздумывая ни о каких последствиях. Но никогда еще я не видел такого прекрасного лица и такой обреченности во взоре...

То, что произошло дальше, сложно описать.

Внезапно пиршественный зал осветили яркие вспышки. Свет их был настолько резким, что даже инстинктивно зажмурившись, я некоторое время ничего не видел, кроме расплывающихся белых пятен. Вслед за вспышками раздался грохот, от силы которого

мои ноги подогнулись. Пришлось ухватиться за спинку ближайшего кресла, чтобы устоять. Я почти оглох. Казалось, что под сводами зала разразилась гроза. Через несколько мгновений послышались ужасные вопли, женские и мужские. Причем звучали они откуда-то снизу и одновременно со всех сторон. Я понял, что это кричат гости, многие из которых не смогли удержаться на ногах. Открыв глаза, перед которыми все еще продолжали расплываться оранжевые круги, я увидел клубы дыма, заволакивающие помещение.

Я бросился туда, где только что сидели новобрачные, а сейчас расплывалась чудовищная клякса. Там мелькнула какая-то черная тень, не то плащ, не то вороново крыло. А может мне просто показалось. Сердце колотилось в страшном предчувствии. Видимость была отвратительная, дым царапал глаза и горло. Спотыкаясь о распростертые на полу тела и расталкивая тех, кто уже успел подняться, я рвался вперед. Продвигаться приходилось почти на ощупь, но ориентироваться мне помог голос батюшки, который непрерывно звал на помощь стражу. Он был жив!

Перемахнув через стол, я ощутил под руками роскошный кафтан. Первым делом я ощупал батюшку с головы до ног, не ранен ли. Он не только был жив, но оказался и цел. Затем я бросился к братьям, но их уже поднимала на ноги подоспевшая стража. Братья тоже оказались невредимыми, и у меня немного отлегло от сердца.

Дым начал рассеиваться. Его вытягивал через выбитые окна сквозняк. Первый шок прошел, людские крики начали стихать, уступая место причитаниям и стонам. Батюшка, приходя в себя, оглядывался по сторонам. Рядом со мной Аркадий-царевич, схватив воеводу за грудки, кричал ему в лицо: «Это что такое было?! Что это было, я тебя спрашиваю?! Ты куда смотрел?!». Борис-царевич, отряхивая платье, бормотал себе под нос: «Конфуз. Международный скандал. Катастрофа...»

Меня продолжала беспокоить одна вещь, но я еще толком не мог понять какая именно. Глядя на пустой престол, предназначенный для невесты, слова как бы сами собой сорвались с моего языка:

— А где Василиса?

Глава 5.

Подо мной пританцовывал гнедой жеребец. Конь был великолепен, молод и силен, носил кличку Верный, и, несомненно, заслуживал все те превосходные степени, которыми его рекомендовал мне конюший. К седлу было приторочено оружие, а в переметных

сумах сложены провизия и смена одежды. Несмотря на вес поклажи и седока, гнедой оставался резвым, и, казалось, вовсе не замечал своей ноши, оставаясь при этом послушным под уздой. Разве только говорить он не мог. Путь мне предстоял неблизкий и опасный, и такой конь, несомненно, стал бы мне на нем добрым товарищем.

Когда все немного пришли в себя после свадебного инцидента, быстро выяснилось, что практически никто не пострадал. Если не брать в расчет выбитые стекла, несколько легких ушибов, полученных в панике, пару обмороков и разбившийся монокль, то все остались целыми и невредимы. Ах, да, еще перепуганную кошку вышеупомянутой королевы пришлось снимать с самой верхушки дерева.

Однако, Василиса пропала. Поиски во дворце и за его пределами ничего не дали. Никаких следов, никакой зацепки. Выдвигались различные предположения, от банального побега из-под венца, вплоть до версии Бориса-царевича о террористическом акте, осуществленном враждебно настроенными к нашему государству организованными преступными группировками, с целью похищения и последующего выкупа. Причем Борис настаивал, чтобы именно эта версия стала официальной и была занесена во всевозможные протоколы, чтобы, как он объяснял, мы могли избежать негативных внешнеполитических последствий. Но и она не выдержала критики потому, что никто не мог припомнить ни одной подобной группировки. Всех поражала стремительность события, его бессмысленность и отсутствие следов. В конце концов, все пришли к выводу, что перед нами какое-то сильное и никому не известное колдовство, ибо иначе объяснить все это не удавалось. Тогда впервые и прозвучало это слово — Кощей.

Начали собирать информацию. Ее оказалось достаточно много, но была она противоречивой, запутанной, а иногда и неправдоподобно-сказочной. Например, одни говорили, что живет Кощей в замке, другие утверждали, что в пещере, а третьи вообще поселяли его в подземное царство. Единственное, в чем большинство сходилось, это то, что обитает он где-то на севере за три-девять земель. Одни считали его тамошним царем, другие узурпатором, третьи захватчиком. В любом случае, приходилось признать, что властью он обладал. О способностях его мнения также разнились, ибо одни утверждали, что Кощей — искусный чародей, другие — что не менее искусный воин, но все сходилось во мнении, что справиться с ним будет нелегко. С внешностью тоже ясности было мало. Кто-то утверждал, что он обладает вечной молодостью, кто-то описывал его как дряхлого старца, а некоторые вообще считали его ожившим скелетом. В связи с этим последним пунктом, совершенно непонятно было, для чего ему нужны женщины, которых он якобы регулярно похищает из разных мест, ибо и в этом вопросе существовало как минимум три мнения. Те, кто придерживался первого, утверждали, что он их ест, второго — истязает в

темнице, третьего — что он на них женится. Означать все это могло только то, что по доброй воле Василису он не отдаст. Следовательно, из плена ее нужно было освобождать.

Было решено не вынося сор из избы, решить проблему в семейном кругу, отправив кого-нибудь на поиски похищенной невесты.

Это привело к определенным трудностям. Перво-наперво, было отмечено, что царь-батюшка — долгих лет ему жизни — хоть и выглядел на торжествах молодцом, и сам он заявляет, что чувствует себя сбросившим пару десятков лет, но по факту является уже человеком возраста пожилого, и хоть наша семья издревле славится своим здоровьем, но подобная экспедиция может потребовать от него таких усилий, которые для его, хотя все еще крепкого, но все же не юного организма, могут оказаться чрезмерными. Одно дело царю остаться без невесты, и совсем другое государству без энергичного, но умудренного жизнью, правителя. Следовательно, его кандидатуру с повестки дня нужно было немедленно снимать. Это рассуждение встретило со стороны самого царя-батюшки решительный протест, сопровождаемый бурной жестикуляцией и аргументом, что хорошо вам, философам, тут рассуждать, когда не ваша невеста украдена. Нам с братьями все же удалось остудить пыл новобрачного, причем я никак не мог отделаться от ощущения, что батюшка был этому только рад.

Во-вторых, выяснилось, что кандидатура Бориса-царевича для данной миссии тоже не является идеальной. Нет, конечно, в случае долговременной отлучки ныне здравствующего — долгих лет ему жизни — монарха, он, Борис, вполне в состоянии заменить его на престоле, тем более, опыт государственного управления у него уже имеется. Однако, есть опасения, что подобная рокировка может быть воспринята в определенных кругах как попытка государственного переворота, что грозило бы нашему царству рядом осложнений внешнеполитического характера. В случае же отправки со спасательной миссией холостого царевича, давно подыскивающего себе спутницу жизни, дело принимало еще и этический характер, так как Василиса (и этот факт уже справедливо был отмечен) не является его невестой. Сам же он, Борис, без промедления готов взяться за выполнение этого, безусловно, почетного дела в том случае, если сумма аргументов за, превысит сумму аргументов против. Учитывая как политический, так и этический аспект, естественно. Батюшка вновь протестовал, хоть и не так бурно, как в первый раз. Впрочем, я не совсем понял, против чего именно.

Как нетрудно догадаться, аргументы в пользу кандидатуры Аркадия-царевича носили экономический характер. Согласно его словам, наше государство на данный период располагает значительными финансовыми средствами, и еще большими природными ресурсами, которые по оценкам некоторых авторитетных экспертов, можно считать

неисчерпаемыми. Учитывая то, что природные ресурсы при определенных условиях, можно превратить в ресурсы финансовые, то можно однозначно утверждать, что в распоряжении царя-батюшки — долгих лет ему жизни — находится более чем достаточно средств, чтобы оказать беспрецедентное экономическое давление на любую страну мира, в том числе и на вышеупомянутое царство Кощеево. Кроме того, финансовая мощь нашей державы такова, что позволяет обеспечить содержание войска, вполне ей соответствующего по количеству, и вооруженного самым передовым на данный момент вооружением, с целью отправки означенного войска в любую известную точку, и пребывания там необходимого (читай — любого) количества времени, при полном денежном довольствии. С этой стороны проблем никаких нет, кроме одной: неизвестно, где находится это пресловутое Кощеево царство и какими резервами располагает, соответственно не понятно, каким образом на него можно оказывать экономическое давление и куда присылать жалование войску. Но есть и другая сторона вопроса, и она снова касается этики. Мы не имеем никаких доказательств, что против нас были применены какие бы то ни было экономические меры, а равно и меры военного характера, с привлечением масс войск. Все факты, нами собранные, указывают, что акт похищения был совершен Кошеем в одиночку, с использованием минимума финансовых средств, что в свою очередь диктует нам применение ответных мер в соответствующем формате. На этот раз протесты батюшки были еще более сдержанными и еще менее внятными.

Будучи самым младшим, я терпеливо дожидался своей очереди высказаться. Но когда эта очередь до меня, наконец, дошла, то вопрос был фактически уже решен. По мнению родственников, я оказался единственной кандидатурой, подходящей для этого дела по всем критериям. Спорить я не стал, да и не собирался. Скажу больше, если бы выбор пал на кого-то другого, я бы все равно поехал. Даже, если бы мне запретили. Даже, если бы меня удерживали. Единственное, о чем я сожалел, так это о том, что не сделал этого раньше.

Теперь я направляюсь на север, имея весьма смутное представление о маршруте. Много времени отнимают расспросы, но без них продвижение было бы попросту невозможно. Я готов отдать все свои деньги за карту, пусть даже плохонькую, но когда собеседники узнают, карту чего я хочу получить, то либо разводят руками, либо смеются над моей просьбой, либо в страхе умолкают, пытаясь поскорее улизнуть. Я уже согласен даже на кривой план, начерченный палкой в грязи, но никто не предлагает даже этого. В худшем случае меня потчуют красочными легендами, где вымысел невозможно отличить от реальности, в лучшем — неопределенно машут рукой в северном направлении, добавляя, что теперь я ближе к царству Кошея, чем был вчера.

Не стану описывать земли и народы, которые я уже оставил позади, но выражение «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» неожиданно обрело для меня географический смысл. Чем дальше забираюсь я на север, тем менее населенные места мне встречаются. Можно запросто проехать два-три дня, не встретив следов жилья, так что я даже не заметил, как начал разговаривать со своим конем. Конечно, ответов получить я не могу, это монологи, зато могу быть предельно откровенным.

Знаешь, Верный, говорю я коню, мы с тобой славное дело делаем — едем освобождать человека из неволи. Это тебе не кулаками размахивать. Нет, конечно, спорт тоже немало славы приносит, тут никто не спорит. Однако, слава эта не только скоротечна потому, что сегодня великий чемпион ты, а завтра тебе на смену приходит кто-то более великий, эта слава еще и увядающая, потому, что вряд ли сохранится в веках. Много ли ты знаешь великих чемпионов, которых упоминают в учебниках истории? То-то. Зато имен полководцев там столько, что не протолкнуться. Вот и выходит, что ратная слава куда предпочтительней спортивной. А учитывая то, сколько лет наше государство живет мирно и сытно, то нам с тобой выпал просто уникальный шанс. Мы с тобой, Верный, сейчас вершим историю.

Жеребец поводит ушами, кивает головой, всхрапывает, и мне кажется, что на самом деле он прекрасно понимает, о чем я говорю, настолько вовремя и к месту он все это делает. Поэтому продолжаю.

Из всей ратной славы самой почетной есть слава освободителя. Да, история хранит нам и имена жестоких захватчиков. Однако имена эти покрыты позором. Конечно, позор, особенно великий позор, тоже можно считать своего рода славой. Но, согласись, разве может подобная «слава» соперничать своим блеском со славой освободителей, прозрачной как хрусталь и сверкающей, как снег на горных вершинах? И нам с тобой на долю выпала не слава, запятнанная позором, а слава чистая, которая зиждется на благодарности людской.

Теперь добавим к этому еще вот какую деталь. Мы с тобой, Верный, едем освобождать не просто человека, а батюшкину невесту, которую злодей украл прямо из-под венца, проявив неслыханное вероломство. Знаешь народную мудрость про три самые страшные разлуки? Первая — разлучить мать с ребенком, вторая — народ с волей, а третья — разлучить жениха с невестой. Поэтому дело наше выходит не просто славным, а еще и благородным. Воссоединить два любящих сердца наша священная обязанность. Если только... Если только эти сердца любящие. Знаешь, я никому не говорил, но тебе, Верный, скажу: не очень я верю в их любовь. Батюшка, конечно, выглядит счастливым, но все же почему в эту экспедицию отправили нас с тобой? Думаю, здоровье его тут совсем

ни при чем. И еще одну вещь я скажу тебе потому, что знаю, ты не выдашь: не идут под венец с таким взглядом, как у Василисы. Как только я этот взгляд вспоминаю, у меня внутри все холодеет, и уже не такой желанной видится мне слава освободителя. У меня такое впечатление складывается, что не по любви, а как бы даже и не по доброй воле согласилась Василиса на это брак. От безысходности какой-то. Вот и получается, что если я родительскую волю исполню, придется мне из одного плена передать ее в другой. Из огня да в полымя. Не вызволить ее я не могу, но и под венец вернуть тоже будет преступлением. А самое главное в том, что не хочу я ее батюшке возвращать, никак не хочу. Вот если бы была возможность мне самому... Что же мне делать, Верный, а?

В этот момент вдали показалась группа людей. Я пришпорил гнедого, радуясь, что появилась возможность отвлечься от мрачных мыслей, которыми изводил себя много дней. Я намеревался, как обычно, выспросить у них про дорогу, но приблизившись, понял, что это вряд ли удастся. Люди дрались, вернее, били человека. Их было десятка два или три, одетых в грязные лохмотья, вооруженных чем попало, в основном вилами и кольями, с искаженными ненавистью гримасами вместо лиц, и каждый норовил попасть своим орудием в отчаянно зовущего на помощь человека, катающегося по земле. И хотя оборванцы были не ахти какими бойцами, но ввиду их численного перевеса, жертве все же доставалось изрядно. Сразу было ясно, что живым они его отпустить не собирались.

Вонзив шпоры в бока коню, я направил его в гущу тел, по пути доставая нагайку. Сражение, если только его можно так назвать, было коротким. Врезавшись в толпу, я рассыпал удары плетью направо и налево, не жалея сил, и вскоре оказался над пострадавшим, который при виде всадника сначала сжался, прикрывая руками голову, но когда увидел, что плеть предназначена не ему, завопил во все горло: «Добрый человек! Спаси меня, добрый человек!». Я протянул ему руку, он вцепился в нее содранными в кровь пальцами, и я втащил его в седло. Дав коню шпор, мы выскочили из окружения озлобленных оборвышей, махавших нам вслед вилами. В спину нам неслись гневные крики «Изверг! Кровопийца! Чтоб тебе пусто было!».

Когда нападавшие скрылись из виду, я сбавил ход и пустил Верного шагом. Видя, что опасность его жизни миновала, спасенный спрыгнул на землю и, забежав вперед, упал на колени:

— Добрый человек! Ты спас мне жизнь, как я могу отблагодарить тебя, добрый человек?

Вид он имел довольно жалкий. В глазах его стояли слезы, голос вибрировал. Дорогая некогда одежда после потасовки превратилась в лоскуты, бурые от запекшейся крови.

Лицо и тело покрывали многочисленные ссадины, но к счастью, серьезных ран я не разглядел.

— Мне от тебя ничего не нужно.

— О, добрый человек! Как только я тебя увидел, то сразу понял, что ты очень добрый человек, а сейчас вижу, что еще и великодушный. Не сходя с этого места, клянусь всем самым дорогим, что до конца своих дней буду молиться о тебе, добрый человек. Позволь только мне недостойному узнать имя своего спасителя.

— Иван-царевич.

— О, небеса! Вы не только подарили мне спасение в лице этого доброго человека, вы еще наградили его благородным происхождением. Ваше высочество, позвольте припасть к вашим ногам, и хотя бы в этом выразить вам мою признательность, которая не знает границ.

— Не стоит, правда. Я же спасал тебя не для того, чтоб ты мне ноги целовал. Лучше скажи, как тебя зовут.

— Кудеяр, ваше высочество. — Человек в поклоне коснулся лбом земли.

Мне показалось, что называя себя, Кудеяр немного замешкался. То ли он боялся моей реакции, то ли еще чего-то, но все-таки голос его дрогнул. Однако его имя мне было совершенно незнакомо.

— Ты из местных, Кудеяр?

— Нет, ваше высочество, я родом не отсюда, но здешние места знаю очень хорошо. Мне знакомы здесь все дороги, все города и села, все реки и леса. Если эти знания могут чем-то помочь вашему высочеству, то Кудеяр со всей любезностью предоставит их в ваше полное распоряжение по первому вашему высокородному требованию.

— Тебе известна дорога в царство Кощея?

— О, мой благородный спаситель, царевич Иван! Неужели небеса столь снисходительны ко мне, что не только даровали мне жизнь в твоём лице, но еще и предоставили возможность услужить моему благодетелю? Да будет известно вашему высочеству, что дорогу эту Кудеяр знает не хуже, чем свои пять пальцев.

Это была удача!

— Покажи мне ее.

— Если ваше высочество будет благосклонно ко мне, как были благосклонны до сего момента, то Кудеяр не только покажет вам эту дорогу, но и проведет по ней. Тем более что и сам недостойный раб ваш туда направлялся, пока не попал в беду, из которой вы его так храбро избавили.

— Веди. И давай обойдемся без всей этой придворной чепухи. Отвык я.

Ехать со мной на коне Кудеяр вначале отказался наотрез. Заявил, что не может себе позволить подобного неуважения к персоне царских кровей и будет сопровождать меня исключительно пешим порядком, а на мое возражение, что вот, ехал же, ответил, что тогда он был в неведении о моем высоком происхождении, и только оттого вел себя неподобающе дерзко и т.д и т.п. Мне пришлось пригрозить ему, чтобы прекратить поток славословий в свой адрес. Кудеяр было оскорбился, но все же внял. Через некоторое время, сидя на гнедом позади меня, он уже вел себя настолько по-свойски, что я начал сожалеть о своем запрете. Говорил он без умолку, в самых эмоциональных моментах хлопал меня по плечу, называл Ваняткой, смеялся так, что поднимал в воздух стаи пичужек, и громко отрывивал в кулак. С пищеварением у него, судя по всему, было не очень. И вообще, этот человек вызывал у меня странное ощущение чего-то скользкого. Чувствовалась в нем какая-то фальшь, но никак не удавалось разобрать, какая. Приходилось терпеть потому, что заполучить другого проводника не представлялось возможным.

Местность, которую мы проезжали, становилась все более дикой и угрюмой, хотя дорога, проложенная вдали от селений, оставалась хорошо накатанной, что свидетельствовало о регулярном ее использовании. Дичи в дремучих лесных чащах было в избытке, поэтому проблем с провизией у нас не возникало. Устраиваясь на ночлег, мы разводили костер и пекли на огне мясо, а после ужина ложились спать спиной к спине, укрываясь одной попоной. Мои наблюдения за Кудеяром дополнились выводом, что молчал он только когда спал или ел. Хотя последнее было актуально не всегда: с набитым ртом он тоже пытался говорить.

Из той лавины информации, которую он на меня обрушивал, большая часть представляла собой хвастовство, жалобы на судьбу и неприкрытая лесть в мой адрес. О себе Кудеяр говорил охотно, много и противоречиво. То вроде бы он был сиротой, не знавшим родителей, то вдруг пускался в пространные намеки на свое знатное происхождение, восходящее чуть ли не к половине престолов известных земель. А то вдруг распалялся, доходя до совершенно абсурдных утверждений, что, дескать, ему по праву принадлежат полсевера и полюга, и наступит день, когда он свое возьмет себе. Тогда глаза его сверкали алчностью, челюсть выдвигалась вперед, а голос звенел неожиданным металлом. Иногда он говорил о себе, как о служилом человеке, занимавшем какую-то большую должность, которую, впрочем, он отказывался называть. В этом случае все люди превращались у него в завистников и клеветников. А иногда представлял себя бывшим монахом-отшельником, чуть ли не полжизни проведшим в каких-то отдаленных скитах, замаливая свои грехи и страдая за чужие. Правда, при этом он часто путал скит с

острогом, а вериги с кандалами, но клятвенно заверял, что это по сути одно и то же. И тут же мог объявить себя командующим, под началом которого находится некое войско, отличающееся неслыханной отвагой и доблестью. Но и здесь его преследовала терминологическая путаница, ибо по его словам «воевода» и «атаман» были синонимами, а выражения «отважные богатыри» и «лихая братва» просто с разных сторон описывали его дружину.

Обо мне Кудеяр выспрашивал осторожно, но все же с заметным интересом. Из какого царства я родом? Далеко ли оно расположено? Богато ли и чем богато? Сколько сыновей у царя, кроме меня? Любит ли он нас, наследников, и насколько сильно? Велико ли войско и как тщательно охраняется граница?

Долго ли, коротко ли, но дорога привела нас к развилке. Шлях, уходящий вправо, мало чем отличался от того, по которому мы прибыли. А вот левый... Левый поворот охраняла огромная, грубо обработанная каменная стела, по форме напоминавшая гроб, и почерневшая то ли от времени, то ли от копоти. На ней, раздирая рот в немом крике, был вырезан человеческий череп. Несколько обломков костей, тоже явно человеческих, были разбросаны у основания. Ничего более зловещего я никогда не встречал. От всего этого зрелища леденела кровь, и становился ясен намек, мол, не влезай.

Кудеяр у меня за спиной зябко передернул плечами:

— Вот она, земля Кощеева.

Я и сам уже догадался, куда ведет левый путь.

— Слушай, Ваня, не в службу, а в дружбу, раз уж довел я тебя, куда тебе было надобно, подсоби и ты мне. Вот за этим леском, — Кудеяр махнул вправо, — есть овражек. Там мои братишки меня дожидаются. Отвез бы ты меня к ним, а потом бы и ехал по своим делам. Тут рукой подать.

Все еще находясь под тягостным впечатлением от увиденного, я кивнул и повернул гнедого направо.

«Лесок» оказался довольно-таки глухим дремучим лесом, а «рукой подать» затянулось на несколько часов, так что к «овражку» мы подъезжали, когда солнце уже клонилось к вечеру. Нам открылась обширная долина между пологих холмов, уходящая вдаль, на сколько хватало глаз. На ее дне расположилось множество крытых наподобие фургонов повозок. Большинство из них были расчехлены, и подъезжая ближе, становилось понятно, что они забиты всевозможным добром, начиная от ковров, мебели и меховой одежды, заканчивая золотой посудой и оружием. В небо поднимались дымь множества беспорядочно разбросанных костров, у которых сидели свирепого вида люди,

облаченные в самые разнообразные одежды. Все это скорее напоминало табор, чем военный лагерь.

— Эй, ребяташки, — закричал из-за моего плеча Кудеяр, — встречайте гостя дорогого!

Люди зашевелились, поднимаясь со своих мест, и вскоре нас уже окружала изрядная толпа. Все они оказались вооружены.

— К нам в гости пожаловал царевич Иван, знаменитого царя сын! — Кудеяр прыгнул с коня и, взяв его под уздцы, глянул на меня. — Приветствуйте гостя дорогого, гостя желанного!

— Здрав будь, Иван-царевич. — Нестройно проорала толпа, разевая гнилозубые пасти в плотоядных улыбках.

Кудеяр не унимался:

— Ванюша, не откажи нам в любезности, откушай с нами. Да и коню своему роздых дай. Братушки, просите гостя!

— Отку-ушай, — Подхватили сильные голоса, сжимая вокруг нас кольцо.

— Благодарю за приглашение, но ты ведь сам знаешь, Кудеяр, недосуг мне.

— Эх, Ваня, невежливо отказывать честной компании. — Глаза Кудеяра сверкнули нехорошим огоньком. — Ладно, не хочешь по доброй воле, придется по неволе. Братцы, налетай!

Не успел я схватиться за оружие, как сзади на меня набросили аркан, и затянувшаяся петля прижала к бокам мои руки. Аркан дернули и я свалился с коня. Сверху тут же навалилась орава, смердящая застарелым потом и винным перегаром, меня перевернули на живот и ткнули носом в траву, а запястья крепко связали веревкой. Вережкой же туго обмотали мне плечи, локти, колени, всунули в рот кляп. Их было слишком много, я был застигнут врасплох, и ничего не смог поделать.

— Ну, братцы-разбойнички, удача нам сегодня улыбнулась! — Гремел надо мной голос Кудеяра. — Крупная дичь попалась в наши силки, жирная. За этого царевича его батюшка царь нам такой выкуп отвалит, что весь обоз наш золотом загрузим! До конца дней своих можно будет пить да гулять!

Сильные глотки восторженно взревели «Уррра атаману!»

Наклонившись, Кудеяр похлопал меня по спине и вкрадчиво сообщил:

— Слишком добрый ты человек, Ванятко, доброта твоя тебя и погубила. Разбойнички мы, по большим дорогам ходим, людей грабим, да на города-села налеты делаем. А тех людей на дороге, которых ты нагайкой отделал, я как раз перед нашей с тобой встречей обобрал. Силы, правда, чутка не рассчитал, да чуть жизнью за то не заплатился. Коли б не

подоспел ты вовремя, вышибли они б из меня дух долой. Спас ты меня, Ваняtko, за то и не убью тебя сразу, у меня тоже понятие о благодарности имеется. И службу ты нам еще сослужишь: на золото тебя менять будем.

После этого Кудеяр приказал бросить меня в шатер и стеречь.

Лежа на соломе в душном шатре, я размышлял о том, как, в сущности, слабо я разбираюсь в людях, сколько ошибок допускаю и наверняка допущу еще, если не научусь доверять внутреннему голосу. Ведь чуяло же сердце! Слушая звуки празднующих удачу разбойников, приглушенно доносившиеся снаружи, я вспоминал Василису, ее взгляд, пронзивший меня как клинок. Каково ей сейчас в неволе Кощеевой? Ради нее я был готов пожертвовать всем, что раньше было мне дорого, даже родственными узами, иначе говоря, предать собственного отца. Однако, миссию по освобождению Василисы из плена пока приходилось отложить на неопределенный срок. Наступающую ночь я сам встречал в плену.

Глава 6.

Разбойники угомонились только глубокой ночью. Праздновали они с таким размахом, будто золото, которое они собирались за меня выручить, уже наполняло их обоз. Так ведут себя кулачники, настолько уверенные в своем превосходстве над противником, что начинают пренебрегать тренировками. Я вспомнил слова Егорыча, что нельзя недооценивать даже слабого соперника, ибо это влечет за собой беспечность в защите и тогда даже самый слабый боец получает возможность победить самого сильного. Эта мысль подняла мой, упавший было, дух, и я стал терпеливо ждать свой шанс.

Страж мой не отлучался из шатра ни на минуту. Даже малую нужду справлял просто откинув полог и стоя на пороге. На призывы подельников присоединиться к веселью он неизменно отвечал отказом, сопровождая его отборной бранью. Правда, я заметил, что обязанностью своей он тяготится и с удовольствием предпочел бы гулять с остальными. Закончилось это противостояние тем, что в шатер ввалилась изрядно подвыпившая ватага, груженная невообразимым количеством вина. Мой охранник вскочил, обнажив кривую саблю, и потребовал от них убираться ко всем чертям. Но уже через несколько минут его сопротивление было сломлено хмельной настырностью дружков и традиционным «ты меня уважаешь?». Когда гости покинули шатер, охранник был уже пьян в дымину, но

сабли из руки так и не выпустил — вот это чувство долга! — и завалился спать, сотрясая купол богатырским храпом. Лучшего подарка я не ожидал. Пришел мой час.

Прежде всего, необходимо было освободиться от пут. Вязавшие их свое дело знали крепко, поэтому ослабить веревки мне так и не удалось. Оставалось только их перерезать. Благо, из-за охватившей бандитов радости сорвать большой куш, никто не догадался заковать меня в железо. Я начал искать какой-нибудь острый предмет, гвоздь или бутылочный осколок. Но тут меня постигло разочарование. Кроме мешков с соломой и тюфяка, на котором храпел мой страж, в шатре не нашлось ничего, даже подходящих острых углов. До укрепленного у входа чадающего факела дотянуться я не смог.

В изнеможении я рухнул на пол. Это было фиаско. Завтра они закуют меня в колодку, и последняя надежда растает вместе с мечтой о Василисе.

Факел затрещал и коротко вспыхнул, готовясь погаснуть. Боковым зрением я уловил слабый металлический отблеск и повернулся туда. Все-таки я дурак. Как же я сразу не подумал об этом? Обнаженная сабля охранника, которую он так и не вложил в ножны, бесстыдно блестела мне прямо в глаза заточенной сталью.

Освободившись, первым делом я осторожно выглянул из шатра. К моему счастью разбойники имели весьма смутное представление о воинской дисциплине, поэтому даже не потрудились выставить боевое охранение. Костры догорали, а весь лагерь был усеян храпящими телами, упавшими там, где их свалил с ног хмель. Беспечность, порожденная безнаказанностью. Нужно было отыскать своего коня и снаряжение, и вернуть бандитам должок.

Гнедой мирно пощипывал травку за самым большим шатром, принадлежавшим, по всей видимости, самому Кудеяру. Коня даже не потрудились расседлать и все снаряжение тоже оказалось нетронутым. Наверное, главарь рассчитывал все забрать себе. Верный обрадовался мне так, словно мы не виделись целый век, заржал и попытался прыгать от радости, так что мне пришлось его удерживать. Я нежно хлопал его по крупу, гладил морду и целовал шершавые губы, шептал ласковые слова и, честное слово, был рад не меньше. Но надо было выбираться отсюда, поэтому радость пришлось отложить до лучших времен.

Укрываясь за повозками, мы с Верным шли к выходу из лагеря. Я изо всех сил пытался придумать план мести, но выходило это у меня плохо. Сказывалось отсутствие опыта подобного рода. Случайно задев ведро, висевшее сзади на одной из повозок, я схватил его, чтобы не привлечь никого посторонним шумом. Из ведра шел странный запах. Я принялся. Это была нефть для смазки ступиц, вместо привычного мне дегтя. Оглядевшись, я увидел такие ведра на всех фургонах. План мести был готов.

Когда пламя охватило первые повозки, никто даже не пошевелился. С факелом в руке я скакал от одной фуры к другой, зажигая нефть и сваленное в них добро. Первые сигналы тревоги прозвучали, когда добрая половина обоза уже пылала. Шатаясь и протирая глаза, полупьяные разбойники бежали к огню, пытались тушить пожар, спасая награбленное, но нефть горела хорошо. Люди толкались и орали друг на друга, лошади ржали и носились по лагерю, суматоха перерастала в панику. Наконец до них дошло, что возгорание происходит не само по себе. Бандиты начали хвататься за оружие и пытаться меня остановить. Над головой у меня просвистело несколько стрел. Нетрезвые лучники плохо целились и мазали, но чувствовалось, что сопротивление возросло. Теперь мне приходилось пригибаться к гриве, продолжая свою огненную месть. Кто-то пытался поймать перепуганных лошадей, чтобы преследовать меня верхом, кто-то разворачивал повозки, чтобы перегородить мне путь. Если я не хотел повторно попасть к ним в лапы, следовало немедленно уходить.

Я пришпорил Верного и пустил его в галоп. Очутившись на дороге за пределами лагеря, позволил себе обернуться, чтобы насладиться видом учиненного мной разгрома. Последнее, что я увидел, был Кудеяр, потрясающий кулаками в бессильной злобе и пинками посылающий своих людей в погоню за мной.

Когда топот последнего преследователя стих, я ослабил поводья и Верный перешел на шаг. Луна, поднявшись над кронами, ярко освещала дорогу, в чаще перекликались ночные птицы, эхо стука копыт отражалось от деревьев. Мы были в безопасности. Оглядев себя, я обнаружил стрелу, пробившую рукав на уровне плеча, да так и застрявшую там. Легко отделался. Вытащив стрелу и отбросив ее прочь, я решил осмотреть коня. Оказалось, что гнедой пострадал сильнее. Кроме множества мелких порезов, я обнаружил короткий дротик, вонзившийся ему в бедро и небольшую, но кровоточащую рану с рваными краями. Видимо, Верный зацепился за одну из повозок. Нужно было срочно остановить кровь потому, что у лошадей даже небольшая ее потеря может привести к достаточно серьезным последствиям. Я спешил. Ласково разговаривая с конем, намотал уздечку на руку, и ухватился за дротик. Резким движением выдернул его. Верный дернулся и коротко заржал, но мне удалось его удержать. Потекла кровь. Теперь раны нужно было промыть, обработать раствором соли и перевязать. Пока я раздумывал, где бы раздобыть воду и как ее вскипятить, на дорогу из чащи вышла тень.

Это был волк.

Лунный свет серебрил его шерсть, глаза сверкали желтым. Зверь втягивал носом воздух, бока его раздувались и опадали. Он чуял кровь.

Верный захрапел и начал дергаться, мне пришлось напрячься, чтобы не дать ему вырвать уздечку. Я хотел закричать, чтобы напугать волка, но я опоздал. Зверь задрал морду и завыл. И тут же со всех сторон ему отозвалось множество голосов. Конь взвился на дыбы, а я чуть не вывихнул плечо, стараясь не дать ему сорваться с места.

Волки выходили на дорогу. Их было много, все они были крупными, они скалили клыки и рычали, и было ясно, что от нападения нас отделяют всего несколько мгновений.

Действовать нужно было стремительно. Я ухватился за лук, что есть мочи заорал Верному «Гони! Но-о!!!», рассчитывая вскочить в седло на ходу, но нога попала мимо стремени. Конь помчал, а я повис на седле, волоча ноги. Волки бросились следом. Конечно, если бы гнедой не был ранен, если бы не устал от предыдущей погони, то мы легко оторвались бы от стаи хищников. Однако, сейчас ситуация была иная, звери мчались вровень с нами и запах крови бил им в головы, суля легкую добычу.

Ближайший ко мне волк прыгнул и я еле успел отдернуть ногу. Но, видимо, это был сигнал к атаке потому, что стая как по команде взвилась в воздух. Щелкнули челюсти и два зверя повисли на задних ногах коня. Наша скорость сразу упала. Но это позволило мне, подтянувшись на руках, наконец оказаться в седле и выхватить прикрепленный под ним меч. Первым же ударом я отсек голову волку, впившемуся коню в правую ногу. Тело зверя покатило, заливая кровью дорогу, на него тут же набросились другие волки. Челюсти отсеченной головы разжались и она отвалилась, но на ее место тут же впились двое.

Я рубил во все стороны и чуть не прозевал момент, когда перед моим лицом пронеслась огромная тень. Прыжок был нацелен на меня, но зверь промахнулся. А я нет. Вонзив меч в брюхо, я вспорол его по всей длине.

Верный храпел, с его губ слетала пена. Волки рычали и щелкали челюстями. Меч звенел о кости, отрубая лапы и головы, дробил хребты. Черная в свете луны кровь текла рекой. Дорога была усеяна трупами хищников.

Стая редела. Наконец мне удалось освободить ноги коня от волчьих клыков и я изо всех сил вонзил шпоры ему в бока. Верный взвился и рванул вперед.

Преследовать нас не стали. Остатки стаи дрались за трупы своих сородичей.

Остановились мы только на рассвете, когда Верный уже с трудом переставлял ноги. Направив гнедого на лесную поляну, я спешил. Израненный конь тут же повалился в траву. После всех пережитых опасностей у меня дрожали руки, а глаза слипались, ведь я не спал уже более суток, и организм, привыкший к режиму, требовал отдыха. Но расслабляться, а уж тем более спать было нельзя.

Первым делом требовалось помочь коню. Недалеко от поляны обнаружилось маленькое, но чистое озерцо. Я развел костер, зачерпнул шлемом воды из озера и вскипятил ее прямо в шлеме. Пока вода остывала, я расседлал Верного, что оказалось не так просто. Вы когда-нибудь пробовали расседлать лежащего коня? Из седельных сумок я достал чистое белье, нарвал из него длинные полосы, затем в кожаный мешок набрал чистой воды и, обмыв ею круп коня, залитый свернувшейся кровью, осмотрел его раны. Дело было серьезно. Теперь их нужно было обработать и перевязать. Я приготовил соляной раствор. Когда первые капли коснулись открытой плоти, Верный дернулся, но сил отбиваться у него уже не было, и он только дрожал, пока я совершал свои операции, и дышал часто-часто.

Ты умница, Верный, — ласково говорил я коню, — потерпи, дорогой, самое страшное уже позади. Ты сегодня столько раз меня выручал, а сейчас пришел мой черед. Потерпи немного, я знаю, как больно, но ничего не поделаешь, надо просто потерпеть. Нельзя раны так оставлять, будет хуже. Ты, Верный, внимательно меня слушай, я тебе плохого не посоветую. Главное, чтобы среди тех гадов не попался бешеный. А так, я тебя выхожу. Ты у меня еще жеребеночком скакать будешь. Сейчас я тебе все аккуратно промою, а потом перевяжу чистыми тряпицами. Видал ли ты когда, Верный, такого коня, которого бы царским бельем перевязывали? Ты, главное, терпи, дорогой. Если вытерпишь, то победишь. Ты не думай, я тебя не брошу, я тебя выхожу, вылечу. А когда ты, Верный, поправишься, я отведу тебя на луг с самой зеленой и сочной в мире травой, где пасутся самые красивые в мире кобылицы, и заживешь ты привольно и счастливо, и будешь своим жеребяткам рассказывать про свои славные подвиги.

Закончив перевязку, я склонился над головой коня. Глаза Верного были закрыты, из под век текли слезы. Не выдержав, я упал рядом, обхватил руками его шею, и зарыдал. Может сказалось напряжение последних суток, а может я действительно такой сентиментальный, но одно могу сказать точно: слез своих я тогда не стеснялся, а Верный в тот момент действительно был самым близким и дорогим мне существом во вселенной.

А потом я провалился в сон.

Глава 7.

Верный шел на поправку. Не буду описывать все подробно, скажу лишь, что перебирая вещи в походных сумах, я нашел баночку с травяным бальзамом для ран, которую Никифор уговорил меня взять с собой. Коню бальзам подошел не хуже, чем

человеку, раны его перестали гноиться и затягивались прямо на глазах. Когда гнедой наконец поднялся на ноги и отправился пить воду из озерца, я радовался этому, как ребенок.

Правда это или нет, но мне казалось, что за время наших с Верным приключений, между нами установилась настолько прочная связь, что мы начали понимать мельчайшие нюансы в поведении друг друга. Если раньше мне чудилось, что гнедой понимает то, что я ему говорю, то теперь временами возникало ощущение, что он читает мои мысли. Знаю, это звучит как сказка, но чувство у меня было именно такое. Иногда я ловил на себе его взгляд, полный благодарности, и даже немного смущался от этого. Говорят, такая связь между человеком и животным возможна. Не возьмусь спорить.

Наконец мы были готовы продолжить путь.

Обратная дорога показалась не в пример короче, и вскоре мы с Верным стояли у памятного камня. С прошлого посещения ничего не изменилось. Каменный череп все так же беззвучно раздирал рот, и было непонятно, то ли он зовет на помощь, то ли стремится поглотить неосторожных путников. Все так же у подножия белели кости. Между лопатками снова ощущался холодок.

— Знаешь, Верный, чем герой отличается от труса? — Обратился я к коню. — Трус боится и не делает. Герой тоже боится, но делает. Через свой страх. Переступает через него и идет к своей цели. Где-то там, в земле Кошечевой, в неволе томится Василиса, и, возможно, ее жизни угрожает опасность. Так давай освободим ее! Давай просто сделаем дело, за которым пришли.

Я прищпорил коня и направил его в левый поворот развилки.

Неплохая речь, думал я. И сказана без подготовки. Интересно только, для кого я ее произносил? Для Верного? Или все же для себя? Боюсь ли я? Конечно, боюсь. Только дурак ничего не боится. Но я умею переступать через страх и множество раз доказал это сам себе в кулачных поединках. Так неужели мне понадобилось подбадривать себя вслух? Неужели сама цель — освобождение Василисы — не служит мне достаточным стимулом? А вообще-то, кого я хочу обмануть? Ее освобождение с самого начала было для меня лишь полуцелью, промежуточным этапом. Конечной целью для меня может быть только одно. Да, только одно. И пусть все летит в тартарары, но именно этого я хочу добиться, и только к этому стремлюсь. Ради этого жгу все мосты за собой. Может как раз это я и имел в виду, когда произносил речь? Точку невозврата?

Вопросов, как всегда, было больше, чем ответов. В самокопании мне никогда не удавалось достичь той глубины, на которой вопросительные знаки превращаются в точки, поэтому размышлениям я предпочитал действия.

Я продвигался вглубь Кощеева царства, держась настороже. Каменный череп недвусмысленно указывал на опасность, и пренебрегать этим было неразумно. Однако и здесь не обошлось без парадоксов, ставящих меня в тупик. Прежде всего, я ожидал, что чем дальше я продвинусь от границы и, соответственно, буду ближе к логову Кощея, тем мрачнее будет становиться пейзаж. Но изменений в худшую сторону я практически не наблюдал. Признаюсь, воображение рисовало мне эту картину черными красками, и я скорее ожидал увидеть погост, чем пастбище. Потом обращало на себя внимание отсутствие дозорных отрядов. Я это себе представлял совсем иначе. Я рассчитывал, что пробираться придется тайно, обходя многочисленные заставы и патрули, укрываясь от закованных в шипастую броню воинов с рогами на шлемах. Ничего подобного мне на пути не встречалось. Следующим пунктом в моих фантазиях были ловушки. Ну, те самые ямы на дорогах, прикрытые ветками и присыпанные землей с кольями на дне. А еще всякие замаскированные петли, автоматические луки с отравленными стрелами, натянутые поперек пути веревки, задев которые на тебя обрушивался огромный валун. Ничего этого не было и в помине. И наконец, я представлял себе нищих, голодных, запуганных жителей, влачащих жалкое существование, и множество рабов кандалах, с ужасом ожидающих своей участи. Но на лугах паслись обычные стада, на полях работали вполне обычные люди, птицы пели, реки текли, солнце светило. Все это как-то не вязалось со всем, что я прежде слышал об этом царстве. Единственное объяснение, которое увязывало бы вместе все мною увиденное, что это все есть маскировка. Камуфляж. Вся эта земля — одна огромная ловушка. Мышеловка, приманкой в которой является мир и покой, и готовая захлопнуться, как только беспечная жертва клюнет на наживку. Может и без колдовства тут не обошлось.

Башни замка были заметны издалека. Их шпили высились над верхушками дубравы. Я приближался к логову врага и бдительность следовало удвоить. На всякий случай я вытаскил меч из-под седла и прикрепил его к поясу. Тишина порою бывает так обманчива.

Когда показались стены и ворота замка, я решил не торопиться и сначала немного понаблюдать. Надо сказать, что мое воображение и здесь меня подвело. Я ожидал увидеть неприступные стены какой-нибудь зловещей архитектуры, сложенные из черного камня, подавляющие одним своим видом, и огнедышащих драконов, стерегущих вход. Вместо всего этого передо мной был обычный замок, без намека на что либо зловещее.

Выбрав удобную позицию и укрывшись на опушке дубравы, я разглядывал это средоточие зла, и пытался прикинуть план дальнейших действий. На первый взгляд замок жил обычной мирной жизнью. Через ворота въезжали и выезжали повозки, проходили люди. Стражи я не видел. Неужели Кощей настолько был уверен в своем могуществе, что

совершенно не озаботился охраной? Если это так, то у меня был шанс застать его врасплох, если только это было вообще возможно. Над стенами возвышалась цитадель со множеством башенок и донжоном. Стражников опять нигде не наблюдалось. Картинка была идиллическая, но я решил не дать ей себя обмануть: где-то там, внутри Кощеева замка, в темнице томилаься Василиса.

Было ясно, что без дополнительной информации у меня ничего не выйдет. А получить ее можно было только от того, кто знал больше меня. Я принял решение взять «языка».

Выбор мой пал на некрупного человечка в одежде зажиточного горожанина или мелкого дворянина. Сопrotивления «язык» не оказал, когда я подкрался сзади, зажал ему рот и потащил в кусты, он лишь непонимающе хлопал длинными коровьими ресницами. Оставаясь у него за спиной, я грозно прошептал в оттопыренное ухо:

— Сейчас я отпущу ладонь, чтобы ты мог говорить. Не вздумай кричать. Если позовешь на помощь, я сверну тебе шею. Моргни, если понял.

Человечек часто заморгал.

— Я сказал, моргни один раз.

Ресницы мгновенно хлопнули.

Я немного ослабил хват и он тут же затараторил:

— Какие-то странные шутки у вас, молодой человек. Я не понимаю, зачем так шутить? Это совершенно неуместно. Неужели нельзя было выбрать для шуток более подходящее время?

Пришлось снова зажать ему рот, чтобы прекратить этот поток.

— Я сказал «можешь говорить», но это не означало, что ты можешь болтать. Моргни, если понял.

Хлоп.

— Отпускаю.

— Послушайте, молодой человек, у меня сегодня много дел, и если вы думаете, что мне...

Я накрыл его рот ладонью. Да, «язык» мне попался тот еще. Пришлось его хорошенько встряхнуть:

— Так не пойдет. «Можешь говорить» означает, что ты будешь отвечать на мои вопросы. Понял?

Хлоп.

— Отпускаю.

— Почему вы мне сразу не сказали, что нужно отвечать на вопросы?

Снова ладонь на рот. Видимо, с ним нужно по-другому.

— Значит так. Я задаю вопрос. Если ответ «да» — моргни раз, если «нет» — моргай, сколько влезет. Тебе ясно?

Хлоп.

— Это замок Кощея?

Хлоп.

— Кощей живет в донжоне?

Хлоп.

— Он сейчас в замке?

Серия хлопков.

— Замок охраняется?

Снова серия хлопков.

— Ты меня не обманываешь?

Ресницы мелькают так, что становятся похожи на крылышки насекомого. Ладно, продолжаю.

— Темница находится в башне?

Ресницы продолжают мелькать.

— В подземелье?

Та же реакция.

— В другом здании?

К ресницам добавляется мычание.

— Хочешь сказать?

Хлоп.

Отпускаю ладонь.

— О чем вы говорите? Какая темница? С роду не было в замке никакой темницы.

Кому она вообще нужна?

Зажимаю рот.

— Хочешь сказать, в замке Кощея вообще нет темницы?

Хлоп.

— Где же он удерживает пленников?

Человечек округляет глаза, но, спохватившись, начинает моргать и мычать.

Отпускаю ладонь.

— Какие пленники? Вы, молодой человек, снова шутите, да?

Зажимаю. Ладно, попробуем с другой стороны.

— В замок есть другие входы?

Хлоп.

— Есть подземный ход?

Хлоп.

— Где он находится?

Мычание. Отпускаю ладонь.

— Зачем вам нужен подземный ход, им же никто не пользуется? Там сыро и паутина. Я еще мальчишкой туда лазил. Не пойму, почему нельзя пройти через ворота, как все нормальные...

Зажимаю.

— Я спросил, где он находится?

Отпускаю.

— Как и положено, с другой стороны замка в овраге. Но позвольте...

Зажимаю. Все-таки с «языком» мне повезло.

— И последнее. Ты слышал про Василису Прекрасную?

Хлоп. Я чувствую, как под моей ладонью его лицо начинает расплываться в улыбке.

— Она жива?

Хлоп. Отлично!

— Она в замке?

Хлоп. Человечек снова мычит, пытаюсь что-то сказать. Просто находка для шпиона!

Отпускаю ладонь.

— Молодой человек, что же вы сразу не спросили про Василису? Вы, наверное, тоже приглашены на их свадьбу? Кажется, я начинаю понимать. Это все часть такого розыгрыша, да? Вы решили сделать им сюрприз? Здорово придумано! Простите, что сразу не понял ваших намерений. Но теперь я понимаю! Мы с вами вместе проберемся по подземному ходу и неожиданно появимся в самый разгар торжества. Ах, это будет лучшее приключение в моей жизни!

Вот как он все понял. Хорошо, подыграем ему. Я отпустил человечка и сказал:

— Все верно, дружище. Это розыгрыш. Сюрприз. Только смотри, никому не говори, а то никакого сюрприза не получится.

— Конечно-конечно! Я все понимаю. Сюрприз! — Человечек аж подскакивал на месте от радостного возбуждения. — Мы появимся неожиданно, и я выхвачу огромный букет цветов для невесты. А что подарите вы?

— Поверь, у меня есть для жениха есть просто убойный подарок. Встречаемся завтра, на этом же месте, в это же время. — Я хлопнул «языка» по плечу. — А теперь иди, и помни: никому ни слова.

— Я буду нем, как могила.

Человечек зажал себе рот ладонью, повернулся и припустил в сторону замка. До меня доносилось приглушенное «Вот это приключение!».

Я поспешил заняться проверкой полученных сведений. Не могло быть все настолько просто. Где-то должен был быть подвох, и лучше бы заранее выяснить, какой именно, чтобы не угодить в ловушку в самый ответственный момент.

Подземный ход оказался там, где указал «язык». Может быть раньше он и был хорошо замаскирован, но сейчас он был похож на вход в заброшенную горную выработку. Впрочем, крепи выглядели вполне надежно и кое-где были совсем новыми. Привязав гнедого в кустах, я вооружился, соорудил факел, и решительно направился внутрь. Запах сырости и паутина были на месте. Ход петлял, то сужаясь, то расширяясь, но в самом узком месте все же был достаточно широк. Никаких прикованных к стенам скелетов, засохших потеков крови или выезжающих из стен лезвий я не обнаружил. Но чем дальше я шел, тем тревожней билось мое сердце. Пол постепенно поднимался, все чаще встречались пологие ступени, и в целом было ясно, что он ведет вверх, и закончится в донжоне.

Наконец, после долгого подъема по каменной лестнице, я остановился у окованной железом двери. Рядом с ней оказалось пустое крепление для факела, я потушил свой и вставил его в гнездо. В темноте приложил ухо к двери и прислушался. Гулкие удары сердца, шум крови в ушах. За дверью тихо. Я толкнул дверь, она оказалась заперта, но запор был какой-то хлипкий, дверь ходила туда-сюда на целых два пальца.

Я ухватился за массивную ручку и как следует дернул дверь на себя. Она неожиданно легко поддавалась, петли оказались хорошо смазанными, и мне пришлось уворачиваться, чтобы избежать удара по лбу. Я осторожно выглянул из проема. Ничего особенного я там не увидел. Вправо и влево шел недлинный коридор, заканчивающийся окнами. В него выходили несколько дверей, а прямо напротив начиналась лестница вверх. Что-то подсказывало мне, что идти нужно именно по лестнице. Я прикрыл за собой дверь подземного хода. Закрытую, ее почти невозможно было обнаружить с этой стороны, если бы не заботливо прикрепленная на нее табличка «Запасный выход».

Я поднимался по лестнице. Везение сегодня было за мной, и по пути наверх я не встретил ни единой души. Жилые комнаты обычно располагались на самом верхнем этаже, и логично было предположить, что если в замке нет темницы, то держать свою пленницу Кощей должен был поближе к себе. Я ощущал знакомый по кулачным поединкам мандраж. Попытка унять его дыхательными упражнениями не удалась. Медлить было опасно, в любой момент могла появиться стража, и действовать нужно было быстро.

Наконец, я поднялся на последний этаж. И здесь несколько дверей выходили в общий коридор. Сначала нужно было определить, за которой из них Кощей заточил Василису. Сделать это оказалось затруднительно, так как ни на одной двери не было ни массивных запоров, ни зарешеченного окна, характерных для узилища. Я пошел вдоль дверей, прислушиваясь. Вдруг до моего слуха донеслись какие-то неясные звуки. Пение? Заключенные иногда подбадривают себя песнями. Неужели я так близок к успеху? Отчаянно напрягая слух, чтобы слышать хоть что-то, кроме грохота своего сердца, я подошел к двери. Звуки исходили оттуда.

Я толкнул дверь, оказавшуюся незапертой.

У ночного столика, расчесывая волосы, сидела Василиса и напевала песенку. В зеркало я увидел ее улыбающееся лицо. Она была прекрасна так же, как и тогда, когда я ее увидел впервые. Я шагнул внутрь:

— Василиса!

Она вздрогнула и уставилась на меня в зеркало.

— Иван? — Казалось, ее изумлению нет предела.

— Ты цела? — Я не мог унять дрожь, а сердце, казалось, готово было выпрыгнуть изо рта.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе не причинили вреда?

— О чем ты говоришь?

— Ты не закована в цепи?

— Какие цепи? Зачем ты здесь, Иван?

— Я пришел за тобой.

— За мной?

— Да, я пришел спасти тебя. Вызволить из плена.

— Из какого плена? Я не понимаю тебя.

— Тебя похитил Кощей и заточил здесь. Я пришел освободить тебя.

— Меня никто не заточал. Я здесь по своей воле.

Я запнулся. Ничего подобного я услышать не ожидал.

— Как по своей воле?

— Я здесь потому, что хочу здесь быть.

— Подожди. Я пришел тебя освободить.

— Меня не нужно освобождать. Я свободна.

Честно говоря, я ничего не понимал.

— Постой, я пришел разорвать твои путы, разбить оковы...

— Какие оковы, Иван? Посмотри вокруг. — Василиса обвела рукой помещение. — Где ты видишь оковы?

Я как загипнотизированный проследил за ее рукой. Светлая комната роскошно убрана, кровать под балдахином, на распахнутом окне в вазе стоял букет свежих полевых цветов. Никаких цепей, никаких пыточных орудий. Я растерялся окончательно.

— Что все это значит?

— А ты еще не понял?

— Что я должен был понять?

— Какой же ты все-таки дурачок, Ваня. — В голосе Василисы не было насмешки. Скорее ее тон был снисходительным, будто она объясняла незадачливому первоклашке про дважды два. — Мы любим друг друга, и я выхожу за него замуж.

— За кого?

— За Кощея.

— За КОГО?

В голове у меня все смешалось. Я однажды видел, как наш придворный художник пишет маслом батюшкин парадный портрет. Так вот, когда я глянул на его палитру, то был поражен и никак не мог понять, как из этого бурого месива возникают на холсте такие чистые цвета. Я чувствовал, что у меня в голове сейчас находится такая же палитра, только не из красок, а из мыслей и чувств. Самым обидным было то, что из них никак не возникало чистое изображение.

— За Кощея.

Слова доходили до меня как сквозь толстый слой ваты. Ноги подгибались и мне пришлось опуститься на бархатный пуф. Мутным взором я обводил комнату, надеясь найти там нечто, что помогло бы мне навести порядок в моей голове. И тут я увидел то, на что не обратил внимание до сих пор. В углу стоял портновский манекен облаченный в подвенечное платье.

Я был раздавлен.

— Этого не может быть. — Прошептал я. — Не может быть.

Я продолжал твердить это про себя, отчаянно пытаюсь найти хоть какую-то зацепку, хоть малейший изъян, позволявший бы удержать мое представление о событиях от полного разрушения. Но все было тщетно. Здание, которое недавно еще казалось незыблемым, рушилось, как карточный домик под порывом ветра. Не может быть, твердил я себе, чтобы я так ошибался. Чтобы все так ошибались. Мы все совершаем ошибки. Человеку вообще свойственно ошибаться. Но не могут же ошибаться все сразу, не может ошибаться общество, народ.

— Почему же не может, Ваня? Мы давно любим друг друга и не скрывали этого. Мы даже были помолвлены, но мои родители решили разорвать помолвку, когда твой батюшка явился со своим предложением руки и сердца. Они посчитали его более выгодной партией. Ты же знаешь, как это делается. Я не хотела идти за твоего отца, меня отдавали насильно, и я мечтала, чтобы произошло нечто, что помешало бы этому осуществиться. И ты знаешь, что произошло. Кощей похитил меня прямо во время торжества. Мы оба понимали, что это нехорошо, но что ему оставалось делать? К счастью, он успел до венчания.

Я слушал и не слышал. Мой мир не просто рушился вместе со всеми моими надеждами и мечтами, он уходил под землю, проваливался в такую глубокую пропасть, в такую бездну, у которой не только не было дна, но и выбраться из которой не было никакой возможности. И не приходилось ждать, что кто-то бросит мне спасительную веревку. Та, освобождения которой я так страстно желал, о которой я грезил, ради которой я был готов на схватку со смертельно опасным противником, для которой я не страшился разрушить свои родственные связи, оказалась влюбленной... В кого? В чудовище. В монстра! В похитителя девушек. В того, кто по слухам питается их плотью. Кто, наверняка, творит и прочие гнусности, о которых мы можем даже не подозревать. Тот череп на границе его царства, не об этом ли он кричит своим смертным криком? Неужели она этого не видит? Неужели она не понимает, что прежде чем заколоть, овечку откармливают. Как можно не понимать, что все, что ее окружает — большая сочная кормушка, а за этой кормушкой уже маячит зловецкий силуэт со спрятанным за спиной ножом. И все это показное благополучие лишь декорация перед началом кровавой трагедии. Как ему удалось так запудрить ей голову? Что за пелена у нее на глазах?

— Потом мы пошли к моим родителям, бросились им в ноги, и умоляли их простить нас и благословить. Они сначала сильно рассердились, но потом поняли, что нельзя препятствовать любви, нельзя ломать жизнь людям только ради политических выгод. Родители нас благословили и совсем скоро мы поженимся.

И тут я ощутил, что нащупал нечто. Нет, это еще не была спасительная веревка, это была только соломинка, но я ухватился за нее, как тот утопающий. Держись, говорил я себе, насколько хватает сил, не смей отпускать ее, ты уже близок к разгадке всей этой мутной истории, ты уже стоишь на пороге этой грязной тайны и не имеешь права повернуть назад, сдаться, дать позволить одурачить себя и погубить всех и вся, только не отпускай эту соломинку и она приведет тебя туда, где есть простые и ясные ответы на самые сложные и каверзные вопросы, держись. Думай. Кощей волшебник. Он великий

чародей, а Василиса у него в плену, но видит все так, будто она свободна. Он — чародей, она — думает, что свободна. Следовательно...

— Мы будем счастливы. Вместе и навсегда.

Наконец я все понял. Наконец все встало на свои места. Я почувствовал, что соломинка стала не просто веревкой, она превратилась в твердую опору под моими ногами. Я встал и посмотрел на Василису:

— Это колдовство.

— Что, прости?

— Это колдовство.

— Прости, я не понимаю...

— Он заколдовал тебя.

— О чем ты говоришь?!

— Он наложил на тебя чары, чтобы тебе казалось... Не важно. Это как кривое зеркало, все кажется не таким, как есть на самом деле.

— Какие чары? Ты что, действительно ничего не понимаешь?

— Я-то как раз все отлично понял. Поэтому на тебе нет никаких цепей. Это заклятие и есть та цепь, которая удерживает тебя даже лучше, чем если бы она была из железа.

— Меня никто не держит!

— Да-да, я уже это слышал. За руки тебя действительно никто не держит. Как он тебя заколдовал? Он подмешал тебе зелье в пищу? В питье?

— Иван, опомнись!

— Пойдем со мной, и я найду способ снять с тебя это заклятие.

Я протянул Василисе руку. Она отдернула свою так, будто я протягивал ей змею.

— Я никуда не пойду. Я люблю его!

— Иного ответа я и не ожидал. Поэтому прошу, прости меня.

— Простить? За что?

— За это.

Я схватил ее и потащил к двери.

— Немедленно прекрати! Отпусти меня!

Василиса отчаянно сопротивлялась. Я и предположить не мог, что она окажется такой сильной. С туалетного столика на пол полетели какие-то флакончики, опрокинулась резная скамеечка для ног.

— Прекрати, слышишь?! Я никуда с тобой не пойду!

Мне пришлось схватить ее и приподнять над полом, но она начала лягаться.

— Ты совсем с ума сошел?! Он скоро вернется! Я буду кричать!

Это была ценная информация. Кощей должен скоро вернуться, значит, времени у меня меньше, чем я рассчитывал. Главное, чтобы путь был свободен. А вот того, что произошло дальше, я никак не ожидал. Василиса закричала. Никогда не мог бы подумать, что такое милое существо может издавать такой отвратительный визг. И такой громкий! К тому же она стала царапаться, норовя попасть мне в лицо. Пришлось идти на крайние меры. Морщась от резких звуков, я связал ей руки и заткнул рот носовым платком. Делая это, я чувствовал себя кощунником, совершающим немислимое святотатство, но иного пути не видел. Это не она, убеждал я себя, это заклятие делает ее такой, настоящая Василиса другая.

Взвалив на плечо драгоценную ношу, я бегом бросился в направлении таблички «Запасный выход». Захлопывать за собой дверь я не стал и, как ни спешил, все же услышал шум на парадной лестнице. Видимо, визг был услышан, и сюда уже спешила стража. Счет шел на секунды, а мне еще надо было зажечь факел. Нет, нельзя, слишком долго возиться. Одной рукой придерживая извивающееся тело, я выставил вперед другую и ринулся в темноту.

То ли в подземном ходе действительно не было ловушек, то ли они не сработали, но мы благополучно добрались до выхода. Верный оказался на месте. Я перекинул Василису поперек седла, вскочил на коня, и врезал шпоры. Верный понесся. Другой дороги я не знал, поэтому возвращался той же, по которой прибыл к замку, провожаемый редкими удивленными взглядами. Пока все складывалось хорошо, погони не было, но сбавлять скорость было нельзя, нужно было убираться отсюда подобру-поздорову. Сначала я часто оглядывался, но потом перестал, и несся вперед, стараясь успеть до темноты оказаться как можно дальше от этого проклятого места.

Прямо передо мной через дорогу пронеслась черная молния. Заржал конь, захлопали крылья плаща.

Верный уперся в землю всеми четырьмя копытами, но остановиться сразу не смог. Меня прижало к его шее и прежде, чем я успел что-либо сообразить, на пути вырос всадник. Его угольно-черный конь с ослепительно белыми гривой и хвостом, храпел, раздувая ноздри, и был еще мощнее моего. Черный плащ развевался на его плечах, а сам он был облачен в черный доспех неизвестной мне конструкции. На голове был шлем, почти полностью скрывавший лицо. На фоне зеленой травы, голубого неба и яркого солнца, он был похож на клоч мрака, на дыру, пробитую в другую, мрачную вселенную. Он выставил вперед руку в латной перчатке и крикнул:

— Стой!

Я догадался, кто передо мной. Что ж, вот мы и встретились лицом к лицу.

— Отпусти ее. — Голос всадника был властным, но в нем не было угрозы. Мне даже показалось, что он не приказывает, а просит.

— Прочь с дороги!

— Послушай, я не знаю, кто ты такой и с какой целью ты это делаешь, но я обещаю, что если ты отпустишь девушку, то я отпущу тебя и не стану преследовать.

— Зато я тебя знаю. Ты — Кощей, подлый и коварный похититель невест.

— Вот ты о чем? Да, признаю, это был некрасивый поступок. Неблагодарный. Но что мне оставалось делать? Ее хотели насильно выдать замуж за другого.

— Мне нет дела до того, как ты оправдываешь себя. Прочь с дороги!

— Я люблю ее, как ты не понимаешь?

— Любишь? Как Кощей вообще может любить? Может тебе и удалось очаровать Василису, но обмануть меня тебе не удастся.

— Перестань валять дурака! Открой глаза! Со мной она пошла по доброй воле, а ты ее связал и везешь, как пленницу. Отпусти ее и я прощу тебя за твое неразумие.

— Простишь? Кем ты себя возомнил? Творишь зло и прощаешь за добро?

— Не я первый совершил ошибку, нарушив данное мне обещание, и решив выдать ее за какого-то старика. Но мне хватило разума все исправить, пусть и не самым удачным способом. Неужели ты снова хочешь разрушить то, что еле удалось восстановить?

— Разрушить зло? Разрушить твое колдовство? Да, я этого хочу.

— Какое колдовство? Да у тебя разума еще меньше, чем кажется. Неужели ты веришь во всю эту чушь?

— Прочь с дороги!

— Послушай, я не хочу причинять вред ни тебе, ни кому бы то ни было, можешь мне поверить. Ты должен знать, что тогда на свадьбе, когда я еле успел спасти любимую от ее горькой участи, никто не пострадал.

— Это было колдовство!

— Какой же ты дремучий. Всего лишь пара свето-шумовых эффектов и дымовая шашка. Да этому трюку сто лет в обед.

— Ложь! Колдовство!

— Хорошо, просто отпусти девушку.

— Ни за что!

— Послушай...

— Или убирайся прочь, или я проложу себе дорогу мечом!

— Не надо, это ошибка. Я не хочу причинять тебе вред.

— Зато я хочу причинить его тебе! — Я соскочил с коня и выхватил меч.

Кощей нехотя спешил. Разведя руки ладонями вверх, он шагнул ко мне:

— Я не хочу тебя калечить. Прошу тебя, отпусти девушку, и давай разойдемся по хорошему.

— Хватит болтать! Иди и прими свою смерть.

— Вот как? Хорошо, будь по-твоему.

Кощей медленно извлек из ножен вороненый клинок. Таких клинков я еще никогда не видел. Затем так же неспешно принял странную позу, по всей видимости, боевую стойку. Никто здесь не стал бы подавать нам сигнал к началу, поэтому я бросился на него без предупреждения.

Кощей легко отбил мою атаку неуловимым приемом. Я проскочил мимо и ожидал удара в спину. Но удара не последовало. Я развернулся. Противник снова стоял в своей странной позе, плащ еще колыхался, доспехи тускло отсвечивали на солнце. Я снова бросился на врага и вновь, отбитый, мой меч прорубил воздух, а я вновь проскочил его позицию. Это напоминало корриду, где гибкий тореадор изящными движениями дурачит взбешенного неуклюжего быка. Да, я был взбешён! Позабыв обо всем, я кидался на Кощея, и был одержим только одним желанием, вонзить острие в ненавистную черную куклу.

Если говорить о владении мечом, то я никогда не был лучшим, что, однако, не мешало мне входить в первую десятку мечников нашего царства. Я был силен, блестяще владел несколькими техниками, мог сражаться в пешем и конном строю, биться против меча, копья, топора, алебарды и дюжины других орудий, со щитом и без, один на один и против нескольких противников. Но то, с чем я столкнулся в этом поединке, просто не укладывалось ни в какие рамки. Это была какая-то совершенно иная техника, с которой я абсолютно не был знаком. Легкая, изящная, скупая и в то же время невероятно эффективная. Просто магия какая-то. Стыдно признаться, но я уже давно был бы мертв, если бы мой враг воспользовался хотя бы половиной возможностей, которые он обеспечивал себе этой техникой. И еще его меч. Он превосходил мой клинок во всем. Казалось, что я вышел против него не с грозным боевым оружием, а с палкой, выломанной в ближайшей роще.

Наконец в нашей бешеной рубке возник момент, который показался мне мигом моей удачи. Корпус Кощея вместе с рукой, державшей меч, оказались закрученными назад, так что мне открылось его плечо и оголенный участок шеи между шлемом и кирасой. У меня даже было время на замах. И я вложил в свой удар всю силу, которая у меня была. Такой удар на войне мог разрубить всадника пополам до самого седла.

В последний момент Кощею удалось парировать мой удар, его клинок со звоном врезался в мой, и я понял, что стою с жалким обломком меча в руке. Меня трясло от ярости и бессилия. Я понял, что проиграл.

Я чувствовал неумолимое приближение смерти.

Кощей перебросил свой меч из одной руки в другую. А затем швырнул его прочь, далеко в траву.

Не знаю, почему этот жест на меня так подействовал, но я зарычал и бросился на него с кулаками. Уж в этом мне равных не было! Я обрушил на него всю свою мощь, выкладываясь так, как никогда еще не выкладывался. Но, видимо, всего этого было недостаточно, потому что я увидел черную латную перчатку, несущуюся мне прямо в лицо. Затем была яркая вспышка, а затем наступила чернота.

Глава 8.

Я пришел в себя и открыл глаза. Я лежал на спине, на чем-то мягком, и надо мной вверх поднимались складки полупрозрачного балдахина. Воздух окутывал смесью тонких запахов успокаивающих и возбуждающих одновременно. До слуха доносилась тихая приятная музыка.

Я приподнялся на локтях, чтобы лучше осмотреться. И тут же упал назад, в шелковые подушки, потому что перед глазами у меня все завертелось, как вертятся падающие кленовые семена. Мелодичный голос произнес:

— Лежи, дурашка, не вставай.

Полог раздвинулся, и в образовавшемся проеме появилась женщина. Ее изысканная одежда удивительным образом одновременно облегалась и скрывала фигуру, двигалась она грациозно и элегантно, а во всем ее облике было что-то разом и животное, и благородное. Она присела на ложе, успокаивающе положив руку мне на колено. Ладонь была теплая.

— Кто ты? — Спросил я, сглатывая накопившуюся во рту слюну, из-за чего вопрос прозвучал невнятно.

— Не разговаривай. — Женщина улыбнулась. — Тебе сейчас вредно разговаривать. В свое время ты все узнаешь. Отдыхай.

Голос ее журчал и обволакивал. Ее медленные движения в приглушенном свете убаюкивали, улыбка очаровывала. А она красивая, подумал я прежде, чем погрузиться в сон без сновидений.

Проснулся я бодрым и голодным, с ясным сознанием. Головокружение почти не досаждало, когда я сел в кровати и увидел заботливо оставленную на низком столике тарелку бульона, хлеб и кусок вареного птичьего мяса. Бульон оказался уже не горячим, и я с удовольствием съел завтрак. Чуть дальше кто-то предусмотрительный поставил таз с водой для умывания. Умывшись, я вытерся мягким розовым полотенцем и обратил внимание на мою одежду, аккуратно сложенную на специальных подставках. Там же находились и мои доспехи. Сам же я оказался облаченным в фиолетовую шелковую пижаму, сильно малую мне по размеру.

Чувствуя себя неудобно в чужой одежде, которая к тому же была явно женской, я решил переодеться в своё. В самый неподходящий момент послышался шорох портьеры, и в комнате появилась давишня незнакомка. Я был застигнут врасплох и не придумал ничего лучшего, как прикрыться первой попавшейся вещью.

— Доброе утро. — Произнесла женщина, вольготно усаживаясь на кровать. — Вижу, что чувствуешь себя ты гораздо лучше, поэтому спрашивать тебя о здоровье не буду, оставим эти формальности на более позднее время. А сейчас скажи-ка мне, как тебе нравится моя избушка?

Одета она была не так, как вчера, эта одежда тоже была элегантной, а красота ее никуда не делась. Я был обнажен, отчего чувствовал себя ужасно неловко.

— Благодарю вас. Все прекрасно. — Пробормотал я первое, что пришло в голову.

— Красноречие, как я погляжу, находится где-то ближе к концу списка твоих талантов. — Незнакомка усмехнулась. — Оно и не удивительно при такой великолепно развитой мускулатуре. Конечно, Аполлон считался непревзойденным поэтом и к тому же музыкантом, но ведь ты скорее Геракл, не правда ли, красавчик?

Я густо покраснел. Эта женщина могла смутить кого угодно. Сама же она, видимо, никогда не смущалась.

— И вот ведь какое дело, — Невозмутимо продолжала она, закидывая ногу на ногу и покачивая изящной туфелькой. — Никак не могу припомнить случая, чтобы античные герои валялись у нас вдоль дорог без сознания, а мне бы приходилось их подбирать и выхаживать в своем гнездышке.

Она сделала паузу, видимо ожидая ответа. Я не нашелся, что ей ответить и засопел. Беззастенчиво разглядывая меня, она продолжала:

— Ты не подумай ничего такого, мне совсем не жаль, что я так поступила, и ты меня ни капельки не стесняешь своим присутствием. Помогать ближнему поощряемо и похвально во все времена. Но, как и всякую женщину, меня снедает любопытство, отнюдь

не праздное, и, прошу заметить, вполне обоснованное, относительно того, что ты там делал?

Я потупился:

— Дрался.

— Ну надо же! — Женщина театрально всплеснула руками. — Кто бы мог подумать, что в наше цивилизованное время можно встретить проявление такой дремучей невоспитанности. Дрался. Фи! Разве ты не знаешь, красавчик, что все современные нормальные люди умеют договариваться между собой? Взрослые люди, по крайней мере, ведь только дети решают свои споры тем, что лупят друг друга по голове совочками. И с кем же ты дрался, дурашка?

— Можно я оденусь?

Она удивленно вскинула брови:

— Конечно, одевайся на здоровье, разве я тебе запрещаю?

— Вы смотрите.

— Конечно, смотрю. Не знаю ни одной страны на свете, где людям запрещали бы смотреть, а я, к твоему сведению, нахожусь у себя дома, а у себя дома я не привыкла отказывать себе в чем бы то ни было, тем более в такой малости, как зрение.

— На меня смотрите. — Я злился на себя за то, что никак не мог перестать обращаться к ней на вы.

— Ах, вот ты о чем. — Она сделала вид, что только сейчас поняла о чем речь. — Об этом можешь не беспокоиться, ты вряд ли сможешь поразить меня чем-то таким, чего я раньше никогда не видела. А своего тела ты можешь совершенно не стесняться, тем более, что сложен ты великолепно.

— Отвернитесь.

Женщина хмыкнула и отвернулась, обиженно вздернув подбородок.

Я спешно оделся и придирчиво себя оглядел. Надо сказать, что одетым я чувствовал себя гораздо уверенней. Я деликатно кашлянул.

— Не могу сказать, что одежда тебя испортила, — произнесла она, повернувшись и оглядев меня с ног до головы. — Определенно, нет. Но и в предыдущем виде тебя не в чем было упрекнуть. Однако, мне не терпится продолжить нашу увлекательную беседу и я хочу предложить перейти в место более подходящее для этого, чем моя спальня. Прошу за мной.

Я двинулся за ней, глядя ей в спину и усилием воли не давая глазам опуститься ниже талии. Гостиная оказалась обставленной с тонким вкусом, достаточно просторной, но уютной. Жестом предложив мне разместиться в кресле, сама она выбрала кожаную

кушетку и, закинув ногу за ногу, раскинула руки на спинке. Движения ее были исполнены кошачьей грациозностью, но в то же время было в них что-то змеиное. Красота ее одновременно манила и отталкивала, взгляд ее призывал перейти черту и тут же предупреждал об опасности такого перехода, а ее уверенности мог позавидовать любой мужчина.

— Итак, мы остановились на том, что ты с кем-то подрался и в результате оказался лежащим на дороге без сознания. Так с кем же ты все-таки до такой степени не сошелся во мнениях?

— С Кощеем.

Услышав это имя, она как бы застыла, но в следующее мгновение, овладев собой, широко улыбнулась:

— Ах вот оно что, как я сама сразу не догадалась. Большие мальчики решали свои большие проблемы, и как это водится у мальчиков, свели все к тому, у кого длиннее меч. Кстати, что-то я в твоём снаряжении как раз меча и не видела.

— Он сломался.

— Неужели ты решил прийти на встречу с Кощеем со сломанным мечом?

— Сломался во время боя.

— Вот этому я как раз не удивляюсь. Видишь ли, дурашка, Кошей владеет исключительным клинком, равного которому нужно еще поискать, поэтому приходиться к нему бодаться, не имея на руках козырного туза, я имею в виду соответствующее оружие, все равно, что пытаться перешибить обух плетью. Сразу видно, что ты практически ничего о Кошее не знаешь.

— Все так запутанно.

— О, да! Запутывать — это он любит, этого у него не отнять. А вот ты, красавчик, сложностей не любишь, верно? Ты у нас специалист по простым решениям, ведь простое значит ясное, а ясное значит хорошее, доброе, а все эти интеллектуальные упражнения — это для слабаков с тощими бицепсами.

В принципе, она была права, только... Как-то не очень приятна была эта ее правота. Да что там, права она и точка. Ясно ведь, если и был у меня шанс одолеть Кошею, то только силой оружия.

— А как можно такое оружие добыть?

— Это, конечно не мое дело, но, видишь ли, твой вопрос разжег во мне любопытство, то самое, о котором я тебе уже говорила, и потому будь любезен, ответь мне: для чего оно тебе?

— Убить Кошею.

Я поразился собственным словам. Тогда, в самом начале, я хотел совсем другого. В начале, я хотел славы, потом хотел вызволить Василису, потом хотел славы за то, что вызволю ее, а еще позже хотел и славы и Василису. Когда же я захотел убить Кощея? Не тогда ли, когда впервые открыл глаза в этом располагающем и таком ласковом доме, и осознал свое первое позорное поражение? Не тогда ли, когда понял, что спортивная злость превратилась в обычную ненависть? Когда пришло понимание, что между мной и славой, между мной и Василисой, между мной и ими обеими, стоит отвратительная фигура в черных доспехах? И если не убрать ее с дороги, если не уничтожить ее, если не обратить ее в ничто, то не останется ничего, кроме позора и беславия.

— Убить?

Она запрокинула красивое лицо и залилась смехом. Смеялась она тоже красиво. Правда, меня не покидало ощущение некоей театральности всего, что делала эта женщина, будто бы она играла некую роль, но играла ее так исключительно хорошо, что зритель верил всему, забывая о том, что в кармане у него лежит билет на спектакль.

Отсмеявшись, она глянула на меня своими бархатными глазами:

— Прости, я не хотела тебя обидеть, просто мне показалась забавной сама фраза. То, что ты не слишком осведомлен о своем противнике, я уже убедилась, но сильно переживать по этому поводу не стоит потому, что дело это поправимое. И поправлять его можно начать прямо сейчас, ведь если тебе нужна информация, то считай, что тебе повезло, и ты обратился по нужному адресу. Для начала скажи мне, ты знаешь, как его называют?

— Кощей.

— Нет, красавчик, ты меня не понял. Я говорю не об имени а о прозвище. Тебе известно его прозвище?

— Нет.

— Его называют Кощей Бессмертный. А хочешь узнать почему?

— Конечно.

— Потому, что еще никто не смог его победить. А ты, наверное, подумал, что он и в самом деле не может умереть? Разве может взрослый человек верить подобным сказкам? Сам подумай. Ты же должен знать, что когда возникают подобные прозвища, то в них содержится только часть правды, а все остальное добавляет человеческое воображение и народная молва, проще говоря, слухи. Стоило одному с треском проиграть Кощею в поединке и брякнуть «да ты прямо бессмертный», а тот, не будь дураком, возьми да и ответь «да, я бессмертный», как тут же эти слова попали на лопасти народной молвы и разлетелись по миру. Теперь это уже не фраза, сказанная в переносном смысле, а факт, с

которым никто не спорит, и даже не пытается подвергнуть сомнению. А самому Кощею остается только поддерживать этот миф. Впрочем, он и сам сочиняет и распространяет о себе множество сказок, эдаких страшилок, что избавляет его от излишнего внимания соседей.

— Значит, его можно поразить?

— А ты мне нравишься. Упорненький. Конечно, можно, ведь неуязвимых не существует в природе, нужно только знать, как это сделать и найти слабое место. У каждого это слабое место есть. Вот, например, твое слабое место это голова. Это надо же, полезть в драку с Кощеем не обладая нужными знаниями, не имея ни меча, ни соответствующей подготовки, и все из-за какой-то девки. Ведь я права, все это случилось из-за нее?

— Она не девка. Ее зовут Василиса.

Губы незнакомки искривились, будто в рот ей попало что-то кислое.

— Да знаю я, как ее зовут. Можно подумать в Кощеевом царстве есть люди, которые этого не знали бы, или не знали, что скоро он на ней женится. Не понимаю, что он в ней нашел, когда есть женщины гораздо более привлекательные, умные и образованные. — Она выпрямилась и поправила прическу. — Тем более не могу понять, как можно бросить такую женщину ради смазливового личика, если кроме этого самого личика у нее нет даже образования, я уже не говорю о каких-то там выдающихся достоинствах.

Я поразился этой внезапной вспышке и, видимо, прочитав это на моем лице, женщина спохватилась, взяла себя в руки и вновь приняла расслабленную позу:

— Зато теперь у него появилось слабое место. И если в это место нанести удар, то можешь считать, что от него ничего не останется.

— И что это за слабое место?

— Неужели ты настолько... А может это и к лучшему. Его слабое место — Василиса.

— И каким образом в это место можно ударить?

— Да каким угодно! Хоть в заложники ее возьми, главное, когда он увидит, что к ее голу приставлен нож, он станет бессильным, и тогда можно будет делать с ним все, что захочешь.

— Не стану я этого делать.

— Это еще почему?

— Не стану и все. Не хочу подвергать ее опасности.

— Ах, вот оно что. — Протянула женщина, подбирая ноги под себя. — Выходит, что у нас у всех одно и то же слабое место. Забавно. А я уж было подумала, что ты, красавчик, явился сюда единственно ради славы победителя Кощея Бессмертного. Во всяком случае,

стало ясно, что у нас теперь есть общий враг, а как известно, враг моего врага — мой друг. Хотя я предпочла бы в данном случае слово «союзник». Однако, давай не будем углубляться в определения, друг, так друг, а раз так, то я предлагаю за это выпить.

Женщина вскочила и выбежала из комнаты. Я проводил ее взглядом. Конечно, разговаривала она со мной в несколько пренебрежительном тоне, но это было понятно, ведь я допустил столько глупых ошибок: как следует не разузнал о противнике, не нашел подходящего оружия, не выбрал подходящей тактики, и, в конце концов, я проиграл. А ей нравятся только победители. И еще я подумал, что не смотря на мое поражение, она все-таки видит во мне такого победителя, пусть пока только потенциального, а иначе она просто не стала бы со мной возиться. Было ясно, что она имеет на Кощея зуб, хоть я и не совсем понимал, за что именно, но это объединяло нас, и, возможно, действительно делало друзьями. Союзниками уж точно.

Была еще одна вещь, в которой мне было неприятно признаться даже самому себе. В присутствии этой женщины было трудно думать о Василисе.

Она вернулась с подносом, на котором стояла зеленая бутылка и два золотых бокала. Разлив вино, она протянула один бокал мне, чуть дольше, чем следовало бы задержав свои пальцы в моих. Второй бокал взяла сама и, глядя мне в глаза, произнесла:

— За нашу неожиданную дружбу.

— Вообще-то я не пью, у меня режим.

— Дурашка, сейчас у тебя только один режим, тот, который я как врач тебе прописываю. И опять же, как врач, я тебе говорю, что немного вина тебе не только не повредит, но и будет полезно для восстановления.

Я отхлебнул из бокала. Уж насколько я равнодушен к вину, но это было просто превосходным. Я отхлебнул еще. Она тоже прикоснулась к бокалу своими влажными чувственными губами и сделала пару мелких глоточков.

— А теперь, красавчик, можешь назвать мне свое имя, а то я чувствую себя странно, выпивая в с незнакомцем в собственном доме.

— Иван-царевич.

Она стрельнула в меня глазами:

— Уж не тот ли ты Иван-царевич, за батюшку которого должна была выйти замуж Василиса?

— И об этом знаете?

— Ну конечно, дурашка. И о батюшке твоём царе наслышана, и о братьях твоих Борисе с Аркадием знаю. А еще знаю, что ты лучший кулачник вашего царства. Слушай, за это надо выпить, ведь не каждый день я принимаю у себя чемпиона.

Она разлила вино и снова, передавая мне бокал, ее пальцы задержались на моих.

— За чемпиона и его победу над Кошечем.

Мы многозначительно чокнулись и выпили, глядя друг другу в глаза.

— Давай покончим с одной вещью, — наконец произнесла она, — которая, на мой взгляд, уже давно лишняя, и которая мешает тебе почувствовать, что я нахожусь с тобой на одной стороне, можно сказать, рядом, хотя мы и сидим напротив. Я предлагаю вытравить из наших отношений местоимение «вы», которым ты меня постоянно величаешь, и выпить на брудершафт.

Я кивнул, не отрывая от нее взгляд. Наши руки переплелись, и я подумал о том, какой сильный жар исходит от ее тела, о ее волосах, игриво щекочущих мою щеку, о запахе неизвестных мне духов и еще о чем-то, что витало в воздухе, неуловимое и в то же время осязаемое. Я пил долго, стараясь продлить этот миг, и видел, что она тоже не торопится.

— А теперь мы должны поцеловаться. — Объявила она, когда бокалы опустели.

Наши лица были так близки, что наш поцелуй, казалось, был продолжением питья. Я почти расстроился, когда он закончился. В голове приятно шумело и, чувствуя сладость вина во рту, я думал о сладости ее губ. Эти губы произнесли:

— А если я могу дать тебе то, что ты хочешь? Что скажешь на это?

Двусмысленные слова, двусмысленный взгляд. Действительно, что я могу сказать? Чего же я на самом деле хочу?

— Что именно?

— Я могу помочь тебе победить Кошея.

— Мне не одолеть его без меча.

— А если я добуду меч?

Совершенно не могу представить, что выражали мои глаза, когда я это услышал. Не могу потому, что все, о чем я думал тогда, никак не было связано с мечом. Если честно, оно вообще не было связано, а эти слова не просто все перемешали, а еще и взбили пену. Как бы там ни было, женщина решительно поднялась и протянула мне руку:

— Идем.

Я взял ее за руку и она повела меня. Мы прошли множество комнат, а я даже не замечал их убранства потому, что шлейф аромата, тянувшийся за ней, не давал мне думать ни о чем другом. Наконец наше путешествие закончилось, и мы остановились у какого-то предмета, накрытого красной тканью. Моя провожатая бережно сняла ее, и я увидел длинный плоский ящик, закрытый на два замка. Сняв с шеи золотую цепочку с двумя золотыми ключами, она поочередно отперла замки и надела ее обратно. Руки легли на лакированную крышку. В этот момент она напоминала музыканта, приступившего к

инструменту, чтобы исполнить главное произведение своей жизни, и я даже затаил дыхание. Она медленно подняла крышку и отступила в сторону.

В ящике, в специальном углублении, выстеленном красным бархатом, лежал меч. У меня вырвался невольный возглас. Он был прекрасен, этот невероятный клинок! Глядя на него сразу становилось ясно, что все оружие, выкованное в кузнях нашего царства, было грубой кустарщиной, а этот меч был произведением искусства, творением гения. Он был копией Кощеева меча, только тот был черный, а этот сиял чистым стальным блеском. Они были как разлученные в детстве близнецы, выбравшие независимо друг от друга разные жизненные пути, один из которых вел в царство мрака, а другой в царство света, и ставшие олицетворением противостояния добра и зла. Тот, в чьих руках находился этот меч, просто не мог находиться на стороне зла, он обязан был вершить справедливость. Разве могло быть иначе? В этом клинке были воедино слиты сила и слава.

Я знал, что она смотрит на меня, но был не в силах отвести взгляд от клинка. Ее руки коснулись моих плеч, губы, которые я недавно целовал, прошептали мне сзади в ухо:

— Это кладенец. И он твой.

Я протянул руку и коснулся холодной стали, провел пальцами по лезвию, дотронулся до эфеса. Я не спешил потому, что спешить было нельзя. Тот, кто возьмет в руку этот клинок, никогда уже не будет прежним, он изменится. И все изменится вместе с ним, и пути назад уже не будет, и если требуется время на размышление, то нужно размышлять сейчас потому, что потом уже будет поздно, потом останется только одно правило: если замахнулся — бей.

— Возьми его.

Этот вкрадчивый голос. Кто это шепчет? Зачем подталкивает меня? Зачем вообще меня нужно подталкивать? Откуда взялась эта нерешительность? Откуда эти колебания, ведь именно за этим я и пришел сюда, чтобы получить оружие, которое поможет мне совершить возмездие, восстановить справедливость, какой я ее понимаю. Неужели у меня есть сомнения в том, что я правильно понимаю ее? А кто вообще ее правильно понимает? И зачем я снова задаю себе эти вопросы, если прекрасно знаю, что не смогу на них ответить потому, что если бы мог, то уже бы ответил, и никаких вопросов не появилось бы вовсе? Зачем я пытаюсь усложнить такие простые и очевидные вещи? Ведь ясно же и так, что справедливость за тем, у кого в руке этот меч, и точка.

Я решительно взялся за рукоять и поднял клинок. Как только он оказался в моей руке, все сомнения отпали, и я ощутил радость от того, что мои мысли и чувства больше не распадаются, что они перестали терзать меня неудобными вопросами, ослабляющими волю и тело. Я чувствовал, как ко мне возвращается моя сила, моя уверенность и моя

ненависть. Я видел, как весело и азартно заиграли на лезвии острые блики, и, не отводя взгляда от их игры, спросил:

— Чего ты хочешь взамен?

Я уже догадывался, что именно услышу.

Глава 9.

Матушка протянула ко мне руки, и я со всех ног побежал к ней. Синие глазки цветущего цикория и желтые облачка зверобоя неслись мне навстречу, как океанские волны, и я представлял себя ладьей, что рассекает их выгнутой грудью. Запах полыни, нагретой летним солнцем, дурманил и окрылял, матушкино платье призывно светилось впереди белым маяком, обещая заботливые и нежные объятия. Трава была густая и, пружинно толкая ее ногами, я бежал, боясь запутаться, споткнуться и расплескать ту детскую радость, которую нес в распахнутых ручонках. Однако, чем ближе я подбегал, тем хуже видел матушкино лицо сквозь зыбь теплого воздуха, поднимавшегося от земли. Трава становилась все гуще, переставлять ноги становилось все труднее, и уже было слышно, как с влажным хрустом рвутся сочные стебли, оплетающие мои ноги, но нельзя было смотреть вниз, нельзя было ни на мгновение терять из виду белый свет моего маяка.

Но все-таки это случилось. Когда до цели оставалось всего несколько шагов, нога запуталась, зацепилась, и, чтобы не упасть, мне пришлось глянуть вниз. Казалось, матушка этого даже не заметит, но когда я поднял глаза, ее силуэт уже изменился, стал неуловимо другим. Я продолжал бежать, но теперь, кажется, вовсе не приближался. И вроде бы все было как прежде: и земля уносилась назад под моими ногами, и травяное море двигалось вспять, и ветер так же раздувал парус моей рубахи, но я никак не мог преодолеть эти несколько шагов. Матушкино белое платье было уже больше похоже на подвенечный наряд, ее лицо, которого я не помнил, уже кого-то мне напоминало, и это было не ее лицо. Солнце мешало разглядеть черты и мне пришлось сощуриться. Василиса смотрела на меня своим обреченным взглядом, а ее платье уже терзали первые колкие порывы ветра. Солнце ушло в облако, стремительно наливавшееся вязкой серостью, умолкли кузнечики, воздух стал холодным, от него кожа покрывалась пупырышками. Надвигалось что-то страшное, что-то нехорошее, и пока оно еще не наступило, нужно было во что бы то ни стало успеть добежать.

Бесшумная черная молния раскроила степь надвое. Она ударила в землю прямо перед моими ногами, и земля расступилась, разошлась, как ветхое полотно, оставляя рваный

край. Я еле успел остановиться на самом краю обрыва глядя, как вниз летят комья, как трава теряет зелень, превращаясь в сухую жесткую проволоку. Почему молния черная, а не белая? — подумал я. — Почему не слышно грома? Я должен увидеть эту молнию, и во что бы то ни стало понять, что это такое. И молния сверкнула снова, но это уже была не молния, это был черный меч, и Кощей держал его в своей руке, отводя ее для замаха. А я уже скакал ему навстречу на гнедом жеребце и в моей руке сиял кладенец. Мой конь прыгнул и взвился в воздух, в неумолимо приближающуюся грозовую тучу, а навстречу мне уже несся вороной, и плащ его всадника закрывал горизонт, и черное лезвие чертило смертельную дугу, а я никак не успевал подставить свой клинок, чтобы отвести удар. Гром сотряс пространство, и я уже падал вниз, в пропасть, на камни, невидимые во мраке, и холодеющее сердце вело обратный отсчет.

Я закричал и проснулся.

Ночная рубашка была мокрой и липла к телу. Я сел и огляделся, приходя в себя. К счастью, это был только кошмарный сон, и наяву ничего подобного не наблюдалось, все было как всегда, обычно и буднично. С немалым удовольствием я ощущал, как ночной холод в груди сменяется уже знакомым жаром ненависти. Именно она теперь была моим главным двигателем, тем источником энергии, которым я заменил все, что было слабее, и теперь был уверен, что даже если Кощею в прошлый раз удалось меня победить, то на сей раз все будет по-моему, и дурной сон останется лишь дурным сном, которому я не дам сбыться.

Вопрос подходящего оружия был разрешен, но оставался вопрос техники боя. К удивлению, на выручку вновь пришла моя новая знакомая, заявив, что поразившее меня искусство владения мечом ей известно, и она берется обучить меня ему в самые сжатые сроки. «Бери меч и пошли» сказала она, видя мой скепсис. На улице она вооружилась палкой. Я еле сдерживал смех, но ее глаза сверкнули таким гневом, что пришлось стать серьезным, однако, я был уверен, что легко разделаюсь с ней. Став в позицию, и сделав замах, я уже шагнул к ней, но пока мой меч опускался, у моего незащищенного горла уже находился конец палки. Женщина оказалась очень быстрой. «Еще раз» скомандовала она. Я собрался и, сделав ложное движение, вышел на удар. И вновь она оказалась быстрее. «Еще!». Голос ее звучал металлом, похожим на кинжальный звон. Мы сошлись еще и, конечно, она снова победила. «Еще! — Требовала она. — Еще!». Я уже совсем запыхался, но ее деревянный «меч» снова и снова оказывался у моего горла. «Хватит! — Раздосадованно закричал я. — Хватит делать из меня дурака!». Ее лицо смягчилось, она опустила свою палку и шагнула ко мне. «Не сердись, красавчик, но ты слишком серьезен. Расслабься, это всего лишь игра. И я тебя этой игре научу».

И она стала меня учить.

Во-первых, ты слишком полагаешься на свою силу, говорила она. Ты считаешь, что побеждает тот, кто сильнее рубит и у кого больше мускулы. Посмотри на мои и сравни со своими. Сравнил? Почему же ты не победил меня, если твои настолько больше? Странно, что мне приходится объяснять тебе такие очевидные вещи, если ты признанный мастер кулачного боя. Разве твои соперники всегда были слабее тебя? Или у них были мышцы меньшего размера? Или они весили меньше тебя? Секрет заключается не в том, чтобы быть сильнее, а в том, чтобы оказаться сильнее там, где нужно, тогда, когда нужно, и главное — раньше. опередить, значит победить, опоздать, значит быть побежденным. У тебя есть сила, но тебе не хватает скорости.

И мы тренировали скорость.

Во-вторых, говорила она, ты можешь быть очень быстрым, но при этом опаздывать. Ты можешь выбрать самого быстрого скакуна и самый длинный маршрут, а твой соперник может взять обыкновенного осла и опередить тебя на финише, выбрав кратчайший путь. Скорость хороша там, где ты не тратишься на лишние движения. Самый короткий путь к цели — прямая, и чем меньше отклонений от нее, тем быстрее у цели оказываешься. Нельзя рубить там, где можно колоть, иначе пока ты будешь рубить, твой противник тебя заколет. Ты слишком много рубишь.

И мы тренировали уколы.

В-третьих, ты можешь быть быстрым и кратким, но действовать слишком открыто, говорила она. В одной древней книге написано, что война — это искусство обмана. Если ты силен, покажи, что слаб. Если слаб, покажи что ты силен. Если ты близко, пусть противник думает, что ты далеко. Если ты далеко, внуши противнику, что ты близко. Раньше, твоя техника основывалась на рубке, ты как дровосек просто рубил дерево, которое видел перед собой. Но дерево стоит на месте, оно не может уклониться, отойти, защититься, и ответить оно тоже не может. Но ты не дровосек, и твой противник не дерево. Он движется, меняет позицию, отводит твои удары и сам атакует тебя. Техника его безупречна, следовательно, чтобы его победить, тебе нужно сделать так, чтобы он ошибался. Для этого его нужно обмануть, запутать, а ты слишком мало финтишь.

И мы разучивали финты.

Были еще «в-четвертых», «в-пятых», а потом она перестала считать.

Я тренировался упорно и фанатично, начинал рано утром, а заканчивал, когда тьма уже не позволяла разглядеть оружие. Падая без сил на кровать, я снова и снова прокручивал в голове все, чему научился за день, повторял вчерашнее и строил план завтрашнего занятия. По словам моего очаровательного учителя, я прогрессировал не по

дням, а по часам. Иногда во время тренировок я так засматривался на ее гибкое тело, на ее кожу со скользящими под ней тугими узелками мускулов, на то, как ловко она орудует клинком, что пропускал уколы и удары. Она злилась и кричала, чтобы я не ловил ворон, а я был почти счастлив, вдыхая запах ее разгоряченного тела, когда мы, скрестив мечи, глядели друг на друга между сверкающих лезвий. Раскрасневшаяся, она отталкивала меня, и мы продолжали тренировку с удвоенной энергией. Честно признаюсь, что не будь мой график таким интенсивным, то я уделял бы ей гораздо больше внимания. Но все мои силы были направлены на достижение поставленной цели, которая красной точкой непрерывно пульсировала в мозгу. Я поставил на карту все, даже собственную жизнь, и не собирался проигрывать. И каждая тренировка, каждый выученный финт, каждая капля ненависти к тому, кто отправил меня в первый в моей жизни нокаут, приближали меня к моей цели.

В перерывах между тренировками я разглядывал терем. Не знаю, как еще можно назвать это строение, оно не было похоже ни на что, виденное мной прежде. На вбитых наискось в землю сваях высился сруб с крутой двускатной крышей. Иногда он казался новеньким, будто рабочие только накануне покинули стройку, а иногда, будто стоял тут веками. Снаружи терем выглядел маленьким и компактным, но внутри в нем было просторно и множество комнат. Все в нем было простым и даже грубым, но сквозь эту грубость проступало некое изящество и воздушность. Прямо клубок противоречий, как и его хозяйка. Она, кстати, называла его не иначе, как «моя избушка». Однажды я не удержался и спросил:

— Почему сваи вбиты криво?

— Не криво, а под углом. — Она брезгливо сморщила носик, будто я ляпнул невесть какую бестактность.

— Хорошо, почему сваи вбиты под углом?

— Правильно заданный вопрос уже содержит в себе половину ответа, не так ли, красавчик? Можешь не отвечать, этот вопрос был риторический. Я понимаю тебя, нельзя же быть специалистом во всех областях сразу. Если ты обратил внимание, недалеко отсюда течет река. Сейчас лето и она не кажется такой уж большой и широкой, но каждую весну она становится весьма полноводной, и когда начинается ледоход, уберечься от него не так-то просто. Вода несет льдины прямо сюда. Посмотри, моя избушка стоит в низине и если бы сваи были вбиты вертикально, то лед их давно бы расщепил.

— Ясно. Только выглядит это как-то...

— Как?

— Смешно. Похоже на ноги.

— Какие еще ноги?

— Птичьи. Терем на птичьих ногах.

Она откинула голову и залилась смехом, есть у нее такая манера.

— Скажи еще, избушка на куриных ножках. — И снова засмеялась, но уже своей шутке.

— А почему нельзя было построиться не в низине, а на холме?

— Бери меч и пошли тренироваться!

Иногда было совершенно непонятно из-за чего она сердится.

У меня оставалась еще пара вопросов, на которые пока не было ответов. Например, я до сих пор не знал, как зовут мою покровительницу, но я решил оставить все как есть. Раз она решила не называться, значит, на то у нее были причины. И еще я не понимал природы ее ненависти к Кощею. Возьмите хоть меня. Жил я себе поживал да добра наживал и не ведал даже, реален ли тот Кощей, пока это не затрагивало меня лично. И если бы он только похитил Василису, то это было бы еще полбеды. Он же меня нокаутировал! Конечно, вслух я бы ни за что и никому не признался, что истоки моей ненависти находятся именно здесь, в уязвленной гордости, в унижении, которое я ощутил, придя в себя после пропущенного удара. И сколько бы мне ни говорили, что я не хуже, что я просто оказался неподготовленным к встрече с этим противником, что при прочих равных шансы у меня выше и так далее, я знал одно: я проиграл. Все эти слова про то, что я не хуже — всего лишь жалкие попытки сохранить потерянное лицо. Все равно, что прикладывать подорожник к отрубленной голове. И еще я знал, что он мне за это заплатит. И чем сильнее мое унижение, тем большую плату я за это возьму.

Глава 10.

Я ехал знакомой дорогой, но на этот раз уже не осторожничал. Обгоняя пышные кортежи знати, направлявшейся к замку, я с удовольствием наблюдал удивление на вытягивающихся лицах. От одного из таких кортежей отделился гонец, пустивший коня в галоп, но я не стал препятствовать ему, рассудив, что будет даже лучше, если новость о моем приближении успеет раньше меня. Пусть знают о том, что возмездие неотвратимо. Вскоре показались башни, расцвеченные праздничными штандартами. Судя по всему, я прибывал к самому началу торжества.

Люди, теснившиеся в воротах, расступились, и я беспрепятственно въехал в замок. Главная площадь была полна шумного народа, но при появлении всадника в доспехах все притихли, и цокот подкованных копыт Верного звонко отдавался от крепостных стен.

Центр площади был свободен, образуя что-то вроде арены, и въехав на него, я осадил коня. Почему-то я был уверен, что никто меня не остановит, что ко мне со всех сторон не бросится вооруженная до зубов охрана и мне не придется отбиваться от них, как от разбойников. Ветер хлопал разноцветными полотнищами, люди перешептывались, робко указывая на меня пальцами. Первый раз в жизни я выходил на поединок в такой тишине, не имея за спиной ни преданных фанатов, ни даже пары секундантов в своем углу. Еще никогда я не ощущал такой колючей настороженности и такой открытой враждебности зрителей. Было ясно, что здесь невозможно рассчитывать не только на поддержку, но даже на каплю сочувствия. Но этих людей нельзя было винить. Все это царство целиком было заколдовано, все здесь видели мир иначе, чем его видел я. Ничего, когда кладенец поразит врага, все эти мерзкие чары рассеются. Кто знает, может все эти люди мне мерещатся и когда заклятие будет снято, я увижу вокруг себя пустыню. А пока я наслаждался эффектом от своего появления.

Напряжение росло. Казалось, что оно передалось даже коню, потому что Верный начал нервно переступать ногами, крутиться, а потом и вовсе загарцевал. Я осаживал его, но все же конь взвился свечой, и мне пришлось сильно натянуть поводья. Наконец мне удалось заставить коня опуститься на все четыре ноги. На несколько мгновений я отвлёкся и прозевал момент, когда появился Кощей.

Он стоял напротив, облаченный в свои черные доспехи. Меч в черных ножнах висел на боку, ветер шевелил волосы на непокрытой голове.

Я впервые видел его лицо. Конечно, я ожидал увидеть нечто подобное. Исходя из того, как все выглядело в этом царстве, нелепо было бы предполагать, что под шлемом скрывается урод с хищными клыками и свиным рылом. По идее, он должен был сделать себя красавцем с белозубой улыбкой. Но его лицо оказалось вполне обычным. Я видал и покрасивее. Но вот что обращало на себя внимание, так это его открытость и прямой взгляд. Такого мужчину я мог бы уважать, не будь он Кощеем.

Тишина на площади стала прямо-таки нестерпимой. Каждый звук казался лишним, залетевшим сюда случайно, и рождал желание поскорее избавиться от него. Кто-то из нас двоих должен был эту тишину прервать. Тот, кто это сделает, покажет свою слабость. И это точно буду не я.

Кощей протянул ко мне открытую ладонь:

— Давай поговорим как мужчина с женщиной.

Спокойный голос из груди, прямо заслушаться можно. Может при других обстоятельствах я и заслушался бы.

— Мы оба знаем, зачем ты здесь, Иван-царевич.

Еще бы! По крайней мере, я точно знаю, зачем здесь я.

— У тебя своя цель и ты стремишься достичь ее во что бы то ни стало.

В точку. По-другому и быть не может.

— У меня своя цель, и я тоже к ней стремлюсь. Беда в том, что если я позволю тебе достигнуть твоей цели, то я не смогу достичь своей.

Естественно. Но к чему ты клонишь?

— Тебе не кажется, что в данную ситуацию вовлечено больше двух сторон?

Какие еще стороны? Что ты имеешь в виду?

— Ты же должен понимать, что Василиса не медаль для победителя, не кубок, не награда. Ее нельзя разыгрывать, как приз. Она не вещь, она — человек.

И поэтому можно запросто красть ее из-под венца? Кто-то из нас двоих демагог.

— Разве не будет правильным дать ей возможность самой сделать выбор? Дать возможность выбрать то, чего хочет она, а не то, чего хотим от нее мы?

Ах, вот оно что! Теперь мне все понятно. Дать возможность делать выбор человеку, воля которого полностью подавлена чародеем? Человеку, который будет говорить то, что требует от него хозяин заклинания? Дать выбирать тому, у кого нет выбора? Вернее, есть только иллюзия этого выбора. Нет уж, увольте.

— Разве это будет по-мужски?

На «мужика» давим? На «слабо» берем?

Я понимал, что он хочет втянуть меня в переговоры. Возможно, в этом и заключается его хитрость, его коварный план заговорить мне зубы, сбить меня с толку, дожидаться момента, когда я утрачу бдительность и наложить на меня чары, как он уже наложил их на свое царство, на своих подданных, на Василису, и превратить меня в своего почитателя, поклонника, обожателя. Какая мерзость! Нужно было кончать с этим как можно скорее.

— По-мужски будет сразиться со мной! — Крикнул я, вставая в стременах.

Кощей вздохнул, и его лицо исказила гримаса, будто своими словами я заставил его страдать.

— Просто представь на минуту, что ты осуществил задуманное, Иван. Каков будет результат? В одном случае отец лишится сына, в другом — невеста лишится возлюбленного. Неужели ты не видишь, что последствия обоих вариантов ужасны? Подумай, не будь дураком.

Если его тактика заключалась в том, чтобы вывести меня из равновесия, то у него это с блеском получилось. Это слово... Лучше бы он меня ударил. Лучше бы плюнул в лицо. Одно дело, когда о тебе судачат за спиной и там между собой придумывают обидные прозвища. Совсем другое, когда униживший тебя враг, открыто называет тебя...

В глазах у меня потемнело от гнева.

Я выхватил меч и вонзил шпоры в бока Верного.

Конечно, расстояние было слишком мало, чтобы конь смог как следует разогнаться. Кошью ничего не стоило увернуться не только от копыт, но и от моего рубящего удара. А мне пришлось тормозить и разворачивать гнедого. Что же это такое? Он снова заставил меня промахнуться! Неужели все повторяется? Нет, я ему не Авдей! Довольно с меня этой клоунады! Он заплатит сполна!

И тут у меня внутри будто что-то щелкнуло, будто лопнула струна. Нет, не струна, это лопнул какой-то запор, удерживающий внутреннюю пружину во взведенном состоянии. Однако вместо шквала эмоций, вместо гейзера ярости, бьющего в небеса, я просто почувствовал, как уходит напряжение. Сознание прояснилось. Мои руки и губы больше не дрожали. А еще я услышал внутри себя голос, который тихо, но уверенно скомандовал «Ан гард».

Я спешился. Шагнул на воображаемую линию. Левую ногу вынес немного вперед и большую часть веса тела перенес на нее. Проверил, не торчит ли вперед колено, находится ли над ним подбородок, не расставлены ли стопы. Развернул корпус. Ухватил кладенец под гарду и наклонил клинок в сторону противника.

«Эту прэ» вновь скомандовал голос. Я сделал глубокий вдох и выдох. Теперь я был действительно готов.

Кошью уже стоял в позиции.

Отлично, подумал я, все слова сказаны. Обожаю этот момент, когда судьбу уже не могут определять болтливые языки и остаются только чистая сила и воля. Уже ничто не может исказить смысл. Закончились все половинчатые решения. Отныне либо да, либо нет. Либо он меня, либо я его, и никаких промежуточных вариантов, никаких полумер. Никаких отговорок и смягчающих обстоятельств. У каждого было время подготовиться и сейчас точно выяснится, как каждый распорядился этим временем, на что его потратил. Не знаю, родился ли я для этого момента, но точно могу сказать, что жил я именно ради него. Я шел к нему долгие годы. Я не обходил преград, но каждую из них принимал как вызов, и штурмовал как последний бастион. С каждой победой во мне росла уверенность, что этот момент настанет, что я приближаюсь к нему и ему от меня не уйти. Что когда он наконец настанет, я войду в него со всей силой, какая только у меня будет, брошу в топку и сожгу все, что у меня есть, чтобы выйти победителем. И это будет мой триумф. Моя слава. Мой миг.

«Алле» сказал я себе.

Сделав шаг вперед, я тут же провел атаку в голову. Кошью парировал.

Странное ощущение новизны противника. Мы ведь уже сражались. Откуда оно? Еще шаг вперед и атака тремя ударами подряд. Я лишь каждый раз немного изменял траекторию. Кощей выдержал и ответил контратакой. Я отразил ее.

О, теперь я понимаю, откуда это ощущение! В прошлый раз его клинок был лучше, мой уступал. Теперь мы на равных.

Провожу атаку в корпус. Делаю вид, что ударов будет несколько. На самом деле после первого, который Кощей успешно отклоняет, я возвращаюсь в стойку. Но лишь затем, чтобы тут же нанести молниеносный укол в голову. Парировать его Кощей не успевает, ему приходится уклоняться. А мне в свою очередь приходится защищать корпус от ответного выпада.

Ах да, вот еще одна деталь, которая придает новизну ощущениям. В прошлый раз его техника превосходила мою, а теперь — мы равны!

Атаки, контратаки. Пока все идет так, как я задумал. Он, без сомнения, уже понял, что сейчас я подготовлен гораздо лучше, чем при нашей первой встрече. Теперь его манера сражаться, его приемы, его финты, не кажутся мне такими необычными. Теперь я понимаю его. Я бы сказал, что сейчас преимущество на моей стороне, сейчас я навязываю ему свой тактический рисунок. Я показываю ему простую схему, приучаю его к ней, чтобы потом взорваться серией неожиданных приемов.

Например, вот так. Я резко меняю уровень атаки. Предыдущие удары шли в голову и корпус, а сейчас я атакую ноги. Это очень опасный прием. Если мне повезет, бой закончится через полминуты.

Спросите меня про везение. Про везение я знаю все. Это просто такое красивое слово, за которым стоят упорнейшие тренировки, пот, синяки, кровь, травмы, боль. Только тот, кто тренируется переходя грань, а не балансируя на ней, может надеяться на везение. Потому, что везение это не случайность, как думает толпа, это умение увидеть возможность и воспользоваться ею.

Но пока везение не на моей стороне. Кощей ловко отбивает мои удары и контратакует в голову. Он рассчитывает на то, что я не успею вернуть клинок для ее защиты. Он ошибается, я успеваю. А по пути к тому же атакую его в кисть, сжимающую меч. Это не просто опасный прием, это хитрый и подлый прием. Но мы же не на соревнованиях, где приз за победу — кубок или кошель с золотом. Здесь никто не крикнет «Па конте!». Мы на войне, где, как известно, хороши все средства.

Я слышу, как лезвие моего меча скользит по металлу кощейевой перчатки. Какой приятный звук! Да, пока мне не удастся его ранить, зато я теперь точно знаю, что это возможно.

Я прессингую, наступая. Кощей пятится, теряя пространство, но отступая, он движется по кругу, не давая себя запереть. Теперь совершенно ясно, что никакого плана на бой у него нет, ему приходится импровизировать, исходя из действий противника, а это значит, что он не готов. Это значит, что я буду опережать его как минимум на полшага, и в конце концов я сделаю полный шаг, а это будет означать только одно — мою победу. Начинаю замечать, что мое наступление замедляется. Куда бы я ни направил лезвие своего меча, там же оказывается лезвие меча Кощей. Наши мечи будто прилипли друг к другу. Ясно, он пытается контролировать мой клинок, чтобы почувствовав начало моей атаки, поймать меня встречным выпадом. Нужно менять тактику, нужно разорвать клинки.

Я перехожу к рубке. Если бы мы были мальчишками с деревянными мечами, то махали бы ими непрерывно. Однако в реальном бою очень сложно сделать более трех ударов подряд. Но я молод и силен, я делаю четыре! Потом отбиваю три, и снова рублю четыре раза. Кощей отступает. Сколько еще я смогу поддерживать такой темп? Удар! Удар! Еще! Сталь летит, будто у нее есть крылья.

О, снова этот звук! Это мой меч чиркнул по вражеским доспехам. Я наслаждаюсь этим скрежетом, как сладостной мелодией. Я хочу услышать эту симфонию целиком! И скоро она зазвучит не только в моем воображении. Мой кладенец, как дирижерская палочка, будет извлекать эту музыку ненависти до тех пор, пока мой противник не падет, пока моя месть не насытится кровью. И это время близко!

А вот и удачный момент. Парируя укол, я чувствую, как черное лезвие легло мне на гарду, и тут же начинаю вращать кисть, уводя его наружу, а сам, слегка сместившись вперед, готовлюсь сделать выпад, цель которого — левая сторона груди, где под черной броней бьется ненавистное сердце. Вращение продолжается. Я уже перенес вес тела вперед, уже расслабил плечо, уже нацелил острие. Этот удар невозможно будет отразить. Вращение продолжается. Я чувствую нарастающую боль в кисти, влекомой вражеским мечом, ее больше невозможно терпеть. Рука вывернута до хруста. Пальцы разжимаются, рукоять меча выскользывает из ладони, и тут же, подхваченная черным клинком, сверкнув, уносится куда-то в сторону, ввысь. Пока я инстинктивно возвращаю вывихнутую руку поближе к телу, под колено моей опорной ноги обрушивается удар. Я теряю равновесие. Следующий удар я получаю рукоятью меча в грудь.

Я лежу на спине и в горло мне упирается холодное острие. В голове еще продолжает играть музыка боя, но бой уже окончен. И с ним окончена моя жизнь. Не думал, что все случится именно так. До слуха долетает далекий звон: где-то в стороне на мостовую упал кладенец. А сверху вниз на меня смотрит Кощей, и я не могу понять выражение его глаз.

— Послушай, Иван-царевич... — Начинает он.

Он что-то говорит, но я не могу понять что именно. Я вообще ничего не понимаю. Я не должен был проиграть. Я должен был победить. Зло должно быть наказано. Почему же добро проиграло? Почему я повержен и отсчитываю последние мгновения своей жизни? Почему мир так несправедливо устроен?

Я не понимаю, почему ржет Верный. Что это за звук, похожий на треск лопнувшей тыквы? Почему вдруг тело Кощея пронесется надо мной? Почему народ на площади ахает как один человек? И куда от моего горла делось смертоносное лезвие? Не понимаю. Приподнимаясь на локтях, оглядываюсь.

Кощей лежит на мостовой. Под его головой растет багровая лужа. Рядом гарцует Верный, его копыто в крови. Я поднимаюсь и подхожу к Кощею. Он еще жив. Губы шевелятся, но я не могу разобрать слов. Наклоняюсь ближе.

— Какой же ты дурак, Иван...

Его взгляд застывает. Все. Конец.

Это я понимаю. Но я не понимаю, почему ничего не происходит. Почему не исчезают чары? Со смертью Кощея колдовство должно потерять силу, все должно появиться в своем истинном виде. Почему к животным не возвращается человеческий облик? Почему богачи не превращаются в оборванцев, а нищие не становятся принцами? Почему не рушится замок? Почему не разверзается земля, чтобы поглотить весь этот кошмар? Не понимаю.

Сквозь толпу бежит Василиса. Ее удерживают, но она прорывается к телу и падает перед ним на колени. Она плачет и кричит. Мои голова и уши будто забиты ватой, я не понимаю того, что она кричит. Единственное, что мне сейчас понятно, это непоправимость происшедшего.

Эпилог.

Верный шагал по дороге чисто вымытыми копытами. День был солнечный, но не жаркий, идеально подходящий для какого-нибудь выхода на природу в хорошей компании, для беззаботного веселья с забавными играми и конкурсами, для вкусного обеда, приготовленного на костре, и разговоров ни о чем. Обычно после такого мероприятия в памяти остаются только приятные впечатления, хотя что-то конкретное потом вспомнить невозможно. Почти неразличимый, в вышине звенел жаворонок, невидимые в траве кузнечики оглушали стрекотом, в дальней роще беспрерывно куковала кукушка.

По неписанному закону победитель получает все и это все досталось мне. Царство Кошечья, его замок, невеста. Я оглянулся. В нескольких шагах позади, на ослепительно-красивой лошади ехала Василиса. Раньше ее называли Василисой Прекрасной, сейчас же ей больше подошло бы Печальная, или Скорбная. После того, что произошло на площади, она не проронила ни слова.

Я снова сосредоточил взгляд на дороге. Наверняка у каждого есть такое событие в жизни, которое он не любит вспоминать. Некоторым кажется, что оно перестанет иметь значение и для него самого, и для тех, с кем это событие связано, если забыть его как следует. Хорошо, если это событие отстоит в прошлое на годы или десятилетия. Человеческая память такая податливая. А если оно произошло только что? И самое главное, что теперь делать? Как быть?

Никогда еще победа не приносила мне сразу столько всего. И вместе с тем, никогда еще я не ощущал такой бесконечной пустоты, словно вместо того, чтобы дать, победа отобрала у меня даже то, что я имел. Да и победа ли то была? Нет, я, конечно, понимаю, что народная молва припишет ее мне и будет живописать ее такими красками, что слушатели будут завидовать, желая оказаться на моем месте. Понятно и то, что любые нюансы, которые не будут укладываться в героическую канву сюжета, без сожаления будут вырезаны и забыты. Нет, не так. О них даже не упомянут, чтобы не портить впечатления, чтобы не допустить двоякого толкования. Победитель всегда прав. Победителей не судят. Но почему мне от этого всего не становится легче?